

СТАЛКЕР

Ольга Крамер

[НОВАЯ ЗОНА]
НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Апокалипсис-СТ

Ольга Крамер

Новая Зона. Наперекор судьбе

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер О.

Новая Зона. Наперекор судьбе / О. Крамер — «Издательство АСТ», 2019 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-113824-0

Чем чревато предательство близкого друга? Банальной обидой или локальной войной, хаосом и паникой в целой Зоне? В водовороте страшных событий оказались Василиса Титова – разработчик программного обеспечения для военных Периметра, «заказанная» и подставленная лучшим другом, и Евгений Фролов – пилот чартера, узнавший слишком много... Им придется скрываться в Зоне. Есть ли шанс у молодых людей? Ведь известно, что выживает не всегда сильнейший, а еще и тот, кто не боится бросить вызов Судьбе.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113824-0

© Крамер О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Крамер
Новая Зона
Наперекор судьбе

СТАЛКЕР

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление Э. Кунтыш
Компьютерный дизайн А. Смирнова
Иллюстрация С. Тараник

© О. Крамер, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Посвящается тебе, дорогой читатель.

Никогда не сдавайся и иди до конца.

Помни, смелым судьба помогает!

Глава 1

Еще десятилетие назад – квартиры на Ленинском проспекте столицы России стоили просто баснословных денег. Впрочем, как и любая другая недвижимость в Москве. Люди готовы были на самые страшные подлости ради того, чтобы обладать своими квадратными метрами в белокаменной. Ухватить свое место под солнцем, покорить город и отщипнуть от него маленький кусочек счастья. Москва же – она большая, на всех хватит. Сейчас, находясь в пустой квартире элитной многоэтажки, поверить в это было трудно. Женя медленно поднялся с кожаного дивана, сморщился от сильной боли в спине, и подошел к окну. С третьего этажа открывался скучный вид на дорогу с брошенными автомобилями и детскую площадку. Гравитационные аномалии, облюбовавшие это место, сильно погнули горку и многочисленные лестницы, а термическая аномалия превратила песок в деревянном квадрате песочницы в стекло. Одернув за собой грязную занавеску, Фролов едва успел отскочить, прежде чем карниз упал ему в ноги. Элемент декора рухнул на пол, подняв за собой облако пыли и наделав достаточно грохота. У Жени, боящегося за время пребывания в Зоне любого шума, сильно забилося сердце. Он прекрасно усвоил урок о том, что на любой сторонний звук может сбежаться кто или что угодно – от сумасшедшего лучника с аномальными наконечниками на стрелах, до неведомого сюрреалистического чудовища, способного сожрать и переварить вместе с костями. Пилот перевел взгляд на входную железную дверь, которую он закрыл на щеколду и на всякий случай задвинул шкафом.

Хотелось верить, что в квартире, которую он выбрал в качестве укрытия, действительно можно чувствовать себя в защищенности. Но после недавно пережитых событий Фролов не верил, что в Зоне есть хоть один квадратный метр безопасности.

Без сил упав на диван, Женя положил автомат на колени и прикрыл глаза. Необходимо что-то предпринять и как можно скорей. Сколько времени он пробыл в «зазеркалье»? Сутки? Наверное, чуть больше. За это время могло очень многое измениться, а учитывая, что он в Зоне, – самым неожиданным образом. И не факт, что в пользу Василисы и группы, под защитой которой она шла.

Василиса.

Снова все мысли заняла эта девушка.

Совсем нестати в голове нарисовалась странная картина: Василиса, сидящая в одном из дорогих ресторанов Новосибирска, а рядом с ней он, Женя, но ненастоящий, а злополучная аномальная копия. Девушка предлагает работу пилота в ее компании, а Фролов, нагло улыбувшись, отказывается. Ему необходимо затеряться и сделать это как можно скорей. Так, чтобы если настоящий Женя выбрался бы из аномалии, он никогда не смог бы его найти. Земной шарик-то – огромный, ищи ветра в поле.

Но вскоре разум взял свое и из картины сначала пропал ресторан, а потом и девушка. Сутки не такой большой срок. Пока свяжутся с Большой землей, пока пройдет подтверждение о том, что это действительно Титова и выживший пилот, пока отправят вертолет, а это ведь дело не двух минут! Сколько одних бумаг и подписей необходимо собрать для спасательной операции. Может, в космос мы и летаем, а вот бюрократию победить пока не в силах. Эти мысли Женю немного приободрили, но ненадолго. Каждая минута, проведенная впустую, отделяет его от Василисы, которая сейчас находится совсем в ненадежных руках. Зона знает, каким коварством наделен Женин двойник.

В надежде разложить всю имеющуюся информацию по полочкам, пилот в своих воспоминаниях вернулся на несколько суток назад. Помнится, группа держала курс к одному из НИИ, Василиса говорила, что он находится не так далеко от их отправной точки – Болот. На Ленинском проспекте. Но сталкеры ее сразу предостерегли, что Ленинский, во-первых, очень

протяженный проспект, а во-вторых, очень опасный и богатый на ловушки и аномалии. Женя хорошо усвоил, что понятие «недалеко» в Зоне не существует. Здесь смерть поджидает на каждом шагу, не успеешь и несколько метров пройти, как вляпаешься в какое-нибудь дерьмо. Пилот уверен, что в нынешней Москве есть аномалии коварней и страшней «зазеркалья». К тому же, чтобы куда-то идти, надо знать дорогу или хотя бы направление, а Женя, который в Москве до этого времени никогда не был, даже представить не мог, где именно обосновались ученые.

Отчаянно перебирая варианты, Женя даже думал попросить помощи у Флая. Но воспоминания о Болотах и его населении были совсем свежи.

Твари.

И не существа, терпеливо поджидающие свою жертву в камышах, чтобы растерзать острыми когтями, а люди. Люди без морали и принципов, глупые и очень жадные. Единственный человек, на которого там можно положиться – Афин, но к нему Женю даже на пушечный выстрел не подпустят.

Евгений думал, и вместе с мрачными мыслями в вечерний сумрак погружалась и комната. Все идеи по поводу того, как выбраться из сложной ситуации, послужили демонстрацией его абсолютной беспомощности. Боезапаса у пилота почти нет, рюкзак с вещами остался в аномалии, карты города у него тоже нет, а из знакомых, которым можно доверять – только Василиса.

Моргнув и широко раскрыв глаза, пилот уставился в стену перед собой. Его взгляд зацепился за несколько фотографий. Выцветшие от времени, они висели без всяких рамок, закрепленные на пожелтевших обоях канцелярскими булавками. Вроде, ничего особенного – молодая женщина с ребенком, а рядом – мужчина в военной форме. На другой фотографии все та же молодая пара, только в руках у девушки большой букет цветов. Женю изображения сильно заинтересовали, он все не мог понять, какая именно деталь на фотографии его смущает. Таких пар в Москве – тысяча, да и не факт, что снимок сделан в столице. Медленно поднявшись с дивана, пилот тяжело выдохнул, поморщился от боли в теле, собрался с силами и только после этого с трудом выпрямился, услышав, как громко хрустнули суставы. Злоключения последних дней даром для организма не прошли, не было той части тела, которая у Жени не болела бы. Сесть и расслабиться было большой ошибкой, пока пилот двигался, монотонная боль казалась привычным спутником.

Не сразу поверив своим глазам, Фролов нервным движением снял фотокарточку со стены, вырвав вместе с булавкой кусок отсыревших от времени и сырости обоев. На фото была Титова и он. Нет, не похожая на нее девушка, а именно Василиса. Женя в этом убедился, когда разглядел татуировку на правой руке. А мужчиной, в форме пилота гражданской авиации, которую Женя изначально принял за военную, оказался он сам. Молодые люди стояли на фоне одной из главных достопримечательностей родного города Василисы – Новосибирского метромоста, девятьсот метров которого проходят над рекой Обь.

– Не может быть! – Женя сорвал со стены вторую фотографию, там, где девушка на руках держит ребенка.

Никаких сомнений уже не оставалось – на фото его напарница. А в руках не оружие, а маленький ребенок.

Неизвестно, сколько бы пилот еще ошеломленно смотрел на фотографии, если бы не сильный шум на кухне, мигот выдернувший его из мыслей. Непослушными руками убрав фото во внутренний карман куртки, Фролов метнулся к стене, перехватил оружие, сняв его с предохранителя. Возня и грохот, похожие на звон упавших кастрюль, на кухне снова повторились. «Может, полка обрушилась?» – закралась в голову мысль, объясняющая загадочные события.

Осторожно выглянув в коридор, ведущий в небольшую кухню, Женя нос к носу столкнулся с человеком. Выронив от страха автомат и не сдержав панического крика, Фролов попя-

тился, но споткнувшись о табуретку, нелепо и очень больно завалился на бок, отбивая и без того многотрадные ребра. Спина покрылась холодным потом, сердце сильно забилося, словно хотело сломать кости грудной клетки, дыхание сперло. Страх, взяв контроль над телом и разумом, полностью парализовал пилота.

Зона! Проклятая Зона!

Лабиринт страха, состоящий из ужаса, боли и мучительных смертей. В отчаянной попытке взять себя в руки пилот заскулил и, не чувствуя тела, заставил ползти себя к оружию. Ужас с головой захлестнул пилота, ему хотелось сорваться и бежать, куда глаза глядят, но что ожидать от человека в коридоре? Почему он больше не показывается и как вообще попал в квартиру, если входная дверь задвинута шкафом. Женя был готов поклясться, что все комнаты он осмотрел досконально, заглянув даже в шкафы. Единственный способ попасть сейчас в квартиру – окно, но какой безумный альпинист в ночных сумерках поползет на третий этаж? К тому же, Женя бы точно услышал звук бьющегося оконного стекла.

– Эй, иди сюда! Поговорим! – взяв контроль над голосовыми связками, пилот выдавил из себя слова. – Спокойно поговорим! Я не опасен!

Дотянувшись до оружия, пилот ощутил себя уверенней. С трудом поборов желание выпустить очередь веером в дверной проем, наугад, не для того, чтобы сразить тень, а чтобы испугать, и после этого драпать, Женя снова выглянул в коридор. Никого. Даже намек на присутствие постороннего человека в квартире не было.

Вязкая слюна застряла в горле, из влажных от пота ладоней выскальзывал автомат, дрожал палец на спусковом крючке. Воображение, подлый враг, за десяток секунд нарисовало ужасные картины, в каждой из которых Женя умирает мучительной смертью.

– Господи, – прошептал он, не веря своим глазам.

На кухне, за стеклянным столом сидел человек – молодая девушка. Она мешала ложечкой чай и с задумчивым видом смотрела в окно, не замечая рядом стоящего Женю.

– Вася, – изумленно прошептал пилот и медленно подошел к столу.

Программистка никак не реагировала на Женин голос. На серой, обшарпанной временем и страшными обстоятельствами кухне, девушка выглядела странно, а если быть честным – даже пугающе. Темно-синий шелковый халат едва прикрывал колени Василисы, короткий рукав не скрывал татуировку, а босые ноги скрещены и поджаты под табуреткой. Каштановые волосы Титова собрала в нелепый пучок из не расчесанных волос. Но взгляд пилота зацепился не за ладную фигурку, не за красивый профиль, а за безымянный палец правой руки, на котором тускло блестело обручальное кольцо.

– Это аномалия! – громко сказал Фролов и испугался эха собственного голоса.

– Это треклятая аномалия! Чертова Зона!

Бог проклял это место, каждый квадратный метр, каждую вещь и человека, попавшего сюда. Даже тех, кто оказался здесь не по собственной воле. Тех, кому не нужны ни богатства, ни тайны Зоны!

Как Женя покинул дом, помнит плохо. Кажется, он в панике пятился к двери, ни на секунду не выпуская Василису из поля зрения, с нечеловеческой силой оттолкнул шкаф, освобождая себе проход. Пролетел три этажа, словно один, и вот он уже на улице, глубоко вдыхает прохладный радиоактивный воздух столицы и сжимает кулаки, пытаясь справиться с трясущимися руками. Женя зажал одну руку другой, чтобы хоть как-то унять дрожь, и поднял взгляд к окну квартиры на третьем этаже. Он был готов поклясться, что, несмотря на ночную темноту и большое расстояние, четко разглядел лицо Василисы – спокойное и немного задумчивое.

Больше не оборачиваясь на проклятый многоэтажный дом, Фролов побрел прочь. Десятки квартир смотрели на пилота черными глазницами окон, и ни в одну Женя был не готов зайти, чтобы переждать ночь. Адреналиновая плеть гнала вперед, в неизвестность, но подальше от многоэтажек, нагоняющих на Женю животный страх.

Земля под ногами завибрировала.

Сначала едва ощутимо, Евгений даже не сразу почувствовал ловушку, но через десяток метров, которые Фролов преодолел, как не в себе, она ушла из-под ног окончательно, и пилот в очередной раз упал. Он словно очутился в эпицентре мощнейшего землетрясения. Почувствовав во рту сладковато-металлический привкус крови, пилот машинально облизнул прокушенную губу, и попытался выбраться из сердца аномалии. Все его попытки были тщетными – молодого человека подбрасывало, швыряло из стороны в сторону, он, как уж на сковороде, пытался извернуться, чтобы сгруппироваться и уберечь себя от новых переломов и сотрясения. Когда из легких выбило весь воздух, а он окончательно обезумел от страха и злости, получилось встать на четвереньки. Ярость и ненависть к миру и несправедливой судьбе двигали им. Пилот поднимался, снова заваливался, полз, получал сильные удары по всему телу, перекатывался, прижимался к земле, хватаясь за остатки асфальта, и с завидной целеустремленностью продолжал ползти. Аномалия словно не знала конца и края. Сантиметр за сантиметром, скуля от боли, Женя выбирался из коварной ловушки. Когда толчки позволили подняться, пилот вскочил на ноги, с трудом удержав равновесие, а после рванул вперед. Последние метры аномалии он преодолел в два широких прыжка, споткнулся об излом асфальта и растянулся на сырой земле. За все время он ни разу не выронил их рук автомата, напротив, сжимал его так, что пальцы от напряжения свело судорогой, и теперь их было не разогнуть. Сил подняться с земли не было. Женя, шумно и тяжело дыша, лежал и смотрел в серое московское небо. Все его мысли занимала нестерпимая боль в теле. Боль мешала сделать вдох, насытить легкие кислородом. На грудь словно поместили что-то невероятно тяжелое, мешающее полноценно дышать и жить. От нехватки кислорода закружилась голова, и пилот всем нутром чувствовал, что, если сейчас не найдет в себе силы полноценно дышать, он не жилец. Перевернувшись на живот, Фролов встал на колени, оперся на ладони, которые с трудом удерживали его вес.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Счастье – самое настоящее. Дышит, значит, сломанное ребро не пробило легкое. А то, что больно – даже хорошо. Раз еще чувствует боль, значит – жив. Значит, можно дальше бороться, попытаться выжить. Вертикальное положение принимал с большой осторожностью, не делая никаких резких движений, привыкая к новым болевым ощущениям. И были они отвратительны, словно Фролова переехал каток, а после, решив, что ему мало досталось, вернулся и переехал еще раз. Холодный ночной ветер отрезвляюще ударил в лицо, капли моросящего дождя пробрались за шиворот, смешались с потом и больше не впитывались – экипировка не могла принимать в себя такое количество влаги.

– Я переживу, ты слышишь? – подняв голову вверх, закричал Женя. – Я все переживу! Любое дерьмо! Лю-бо-е! – по слогам отчеканил пилот. – Но Василису встречу.

Пока есть цель, пока есть, к чему стремиться – смерть не преграда. Для Фролова Василиса – словно яркий свет фонаря, к которому он, будто глупый мотылек, стремится.

Вдох. Выдох. Еще раз, глубже и медленней. Больно – точно жив.

Впереди аллея, Женя ее хорошо запомнил, слишком много там было противных насекомых, доставляющих Титовой дискомфорт. Чуть поодаль, если пройти ее и еще несколько километров, то можно выйти к станции метрополитена.

Морок.

Морок!!!

Воспоминания об этом странном мужчине вылетели из памяти Фролова, будто кто-то заставил забыть этого необычного stalkera. Мудрый житель подземелья смог бы ему помочь и ввести в курс дела последних событий. Только досада – при Жене ни карт, ни простого фонаря, без которого под землю спускаться настоящее самоубийство. Темнота в метро особенная, пропитанная смертями и страхом, густая – проведешь рукой и схватишь свою порцию адреналина, питаешь его каждой клеткой тела.

Выбора другого не оставалось, только двигаться к станции метро «Беляево» и надеяться, что таинственный житель подземелья узнает о неожиданном госте. Это было самое глупое решение, принятое за последнюю неделю. Оно основывалось не на здравом смысле, не на фактах, не на логике, а на простой и глупой вере в чудо. Женя ругал себя за это, понимал весь абсурд своего поступка. Спуститься и просто ждать в темноте станции человека, который покрыт загадками чуть больше, чем полностью. Вероятно, считать Морока человеком в привычном понимании этого слова будет большой ошибкой – он местная легенда, призрак, путевой обходчик, обреченный пожизненно скитаться под землей. Фролов думал, а сам быстро шел вперед, чтобы сомнения не позволили ему развернуться. Он боялся даже допустить мысль о том, что Морок его не встретит. Если это так, то Фролов останется абсолютно один в Зоне, не имея при себе абсолютно ничего. Тогда стоит приберечь один патрон, чтобы была возможность пустить себе пулю в подбородок. Непременнo в подбородок, а не в висок, как это делают герои фильмов. Он тут же представил, как его труп обглаживают до костей местные падальщики, а до этого какой-нибудь проходящий мимо бродяга обыщет его до трусов и заберет все мало-мальски ценное. Мертвецам оружие без надобности. Нет в Зоне мародеров, есть мертвые и те, кому могут их вещи еще пригодиться. От воспоминаний о том, как они с Василисой снимали обмундирование с убитых наемников, пробежали мурашки. До сих пор дорогостоящая экипировка и стволы спасали их с Василисой от агрессивной среды Зоны.

Бросая перед собой камушки, Женя до боли в глазах следил за траекторией их полета. Вскоре в темноте все стало единообразным, а перед глазами начали мерещиться черные «мошки». То и дело приходилось тереть уставшие от напряжения глаза, а когда Фролов их раскрывал, то ему казалось, что все вокруг уже изменилось. Что за те секунды, которые он пробыл в темноте, страшные чудовища успели окружить, выпустили когти и приготовились к атаке. Но ни с одним мутантом, несмотря на подозрительный и пугающий до мурашек шорох в кустах, Женя так и не повстречался. Хотя седьмым чувством ощущал взгляд в спину.

На покосившемся стенде, через паутину разбитого стекла, Фролов прочитал «Район Коньково», а ниже на красном полотне с зеленым треугольником разглядел изображение коня и царской короны над ним. Когда он шел с группой, этого стенда не заметил. Как же не хватает Василисы, так отлично знающей Москву! С большой вероятностью Фролов в ночи свернул уже не туда и метро в противоположной стороне. Но быстро взяв себя в руки и справившись с зачатками паники, Женя осмотрелся. Да, он немного сбился с пути, но увидев высотку гостиницы, про которую рассказывала Титова, вышел к ней. Это был хороший ориентир.

Несколько раз мужчина хотел сорваться на бег, но каждый раз с трудом брал тело под контроль разума. Нельзя! Такой кросс ничем хорошим не закончится.

В горле пересохло, невыносимо хотелось пить. Последние капли воды из фляги, на которую не поспешил Флай, пилот выпил еще сутки назад.

Дорога до метро «Беляево» отняла последние силы. Вестибюля у станции не было, чтобы попасть на платформу, необходимо было пройти подземный переход. Остановившись перед непроглядно черным входом, Фролов оперся на оружие и медленно сел на бетонную ступеньку. Все. Больше он не мог не то, что двигаться, но и дышать. Вместо тела у него один стук боли с эпицентром в грудной клетке. Если там, на платформе, его не встретит Морок, то он пропадет. Сомнения и страх разъедали пилота, слишком пугало его это «если». Чем больше Фролов бессмысленно пялился в темноту, тем сильнее начинало биться его сердце. Он успел надумать себе уже всякого, а, как известно, придуманные страхи – границ не имеют.

Ухватившись за перила, Фролов рывком принял вертикальное положение и начал медленно спускаться. В крошечной темноте он кончиками пальцев касался стены до тех пор, пока не нашупал стеклянную дверь входа на станцию. Та оказалась слишком тяжелой, хотя еще несколько дней назад Жене казалось, что она поддавалась легко. Страх делал мир другим.

Фролов припомнил, что Василиса вляпалась здесь в какую-то слизь, потому был готов, что ладонь в любую секунду может угодить во что-то омерзительное. Словно слепой щенок, аккуратно спускаясь и нащупывая ногами ступени, Фролов надеялся, что они под его весом не разъедутся.

Оказавшись внизу, Женя постоял несколько секунд, прислушиваясь к ощущениям. Чувства опасности не было, напротив, внутри зажглись искорки надежды и мужской, до боли приятный бархатистый голос, раздул из них костер.

– Что, уже соскучиться успел? – слышалось совсем рядом.

Женя обернулся на голос и замер.

– погоди, сейчас включу фонарь. Прибереги глаза.

Но фонарь загорелся за спиной. Неправильно сориентировавшийся в темноте Женя успел даже выругать себя за невнимательность. А если бы это был враг? Тогда все было бы проще. Он бы пристрелил еще минут десять назад.

– Рад вас видеть, – Женя не смог скрыть искренней, но усталой улыбки. – И сразу признаюсь. Мне очень нужна ваша помощь.

Мужчина стоял на расстоянии вытянутой руки, а луч его фонаря был направлен в сторону, чтобы не слепить пилота. Потому рассмотреть хозяина подземелий не получалось, но необходимости в этом у Фролова не было, он не искал в Мороке опасности.

– Да уж я заметил. Пойдем, помогу, чем смогу. У меня тоже к тебе есть ряд вопросов.

Забрав из ослабевших рук Жени оружие, Морок помог спуститься ему на пути. Взыв от боли, Фролов не устоял на ногах и сломанной куклой рухнул на колени.

– Сейчас, – прошипел он. – Минуту.

– Что-то ты совсем плох. Давай, опирайся.

Морок, несмотря на свой далеко не юный возраст, мужчиной оказался крепким и в отличной физической форме. Он помог подняться Жене, перекинул его руку себе через плечо и буквально потащил за собой. Если первые несколько метров Фролов сопротивлялся, то потом бросил эти тщетные попытки идти самостоятельно. Кажется, на какое-то время он выпал из реальности, потому как до убежища сталкера они дошли подозрительно быстро. На входе в знакомую комнату, пилот попытался снять с себя ботинки, но Морок, не дав ему этой возможности, провел гостя к дивану и усадил на него.

– Василиса жива? – это было первое, о чем спросил путевой обходчик.

– Надеюсь, что да. Я не видел ее несколько дней. Возможно, она уже дома. Но я в этом не уверен, прошло еще недостаточно времени.

– Где? – удивление осело на бровях Морока.

Сталкер, до этого роющийся в металлическом чемоданчике аптечки, даже замер со шприцом в руках.

– Ну, как где? – с трудом выдавливая из себя слова, недоумевал Женя. – На Большой земле, в Новосибирске.

– Так ты не знаешь, что произошло в Зоне прошлой ночью?

Сталкер, под болезненное скуление пилота, помог снять экипировку. Как только Женя остался по пояс голый, лицо Морока скривилось.

– Тебя словно через мясорубку пропустили.

– У меня такое же ощущение, – не стал спорить пилот. – Помимо злключенияй всех последний дней, я сегодня попал в какую-то аномалию, имитирующую землетрясение.

Вид у Морока при этом был скучающе-сосредоточенный, будто Женя рассказывал о каких-то очевидных вещах. Для Морока так оно и было.

– Это и есть аномалия «землетрясение».

– А я смотрю, с названиями вы не заморачиваетесь, – мрачно пошутил Фролов.

– Ну нет, от чего же, – пожал плечами Морок, сосредоточенно смотря на два шприца, которые он держал в руках: с жидкостью серебристого и серого цвета. – Иногда встречаются весьма необычные названия. Но ты ведь пришел не аномалии обсуждать, верно?

– Верно, – не стал спорить Фролов. – Я пришел за помощью. Но что произошло этой ночью в Зоне?

– Я отвечу на твой вопрос, если ты расскажешь, что произошло с тобой.

– После того, как вы нас проводили на поверхность, мы с Василисой вернулись на Болота. Не без злоключений, но вернулись живыми. Отдали артефакт Флаю, он остался очень доволен, и взамен выполнил свое обещание. Вместе с группой сталкеров отправил нас в один из научных институтов. Там мы должны были связаться с Большой землей и в безопасности ожидать помощи.

Затянув руку Жени жгутом, Морок жестом попросил пилота поработать кулаком. Сталкер еще раз посмотрел на шприц, а после ввел его содержимое в вену пилота. И это было неожиданно болезненно. Болезненно настолько, что у Фролова сперло дыхание и быстро забилося сердце. Однако Морок никак не прокомментировал свои действия, потому единственное, что оставалось пилоту – терпеть и полностью доверять хозяину подземелий. Вены и капилляры на руке вздулись и начали темнеть, кровеносные сосуды образовывали черную паутину, которая быстро распространялась по всей руке, поднималась выше, к плечам, шее. Женя опустил взгляд и замер в немом страхе, когда увидел, что творится с его торсом. Но Морок ничего не говорил, а только наблюдал за реакцией, таинственным содержимым шприца.

– Что происходит?! – Фролов хотел вскочить на ноги, но они его не слушались.

– Это нормально, – заверил его сталкер. – Артефакт регенерирует твои клетки. Через несколько минут все пройдет, не переживай. И, возможно, тебя будет сильно тошнить, так что будь готов.

Все действительно закончилось через несколько минут, которые Фролову показались если не вечностью, то долгими часами. Тело приобрело свой здоровый вид, пропала чернота, а вместе с ней и сводящая с ума боль. К горлу подступил ком, будто Женя проглотил огромный кусок ваты, смоченный чем-то невероятно горьким, а после, не в силах больше сдерживать рвотные позывы, пилот сорвался с места, чуть не сбив с ног Морока.

Он вернулся в комнату через несколько минут – бледный, мокрый от пота, трясущийся от озноба, но уверенно стоящий на своих ногах.

– Что это было? – спросил пилот не своим голосом.

– Сборка из артефактов. Очень редких и дорогих.

– Этой штукой можно спасти жизни! – вытирая пот со лба, вскрикнул сталкер. – Сотни жизней. Использовать ее не только в гражданской медицине, но и в армии. Если бы у меня был такой шприц, можно было бы спасти столько бойцов...

– Женя, ничего не проходит бесследно. У каждого такого... – Морок замолчал, подбирая правильное слово, – препарата есть свои последствия. Некоторые из них ужасные. И...

– И в моем случае они именно такие? – договорил Фролов.

– Да. Но у тебя открылось внутреннее кровотечение. В любом другом случае ты бы в скором времени умер.

– И что меня ждет? – Женя был на удивление спокоен.

– Все индивидуально, – уклончиво ответил Морок. – Мы с тобой еще вернемся к этой теме, когда ты расскажешь, что с тобой случилось и почему вы с Василисой разделились.

На долгие минуты мысли заняли сказанные Мороком слова о последствиях, однако Фролов на время заставил себя об этом не думать и вернулся к разговору.

– По пути к Институту, я попал в какую-то жуткую аномалию, находящуюся в одном из торговых центров, и пробыл в ней около двух суток.

Задумавшись над тем, как правильней было бы ее описать, Женя уставился в стену перед собой и замолчал почти на десять минут, в течение которых Морок не произнес ни слова. Голова пилота просто разрывалась от мыслей, они расталкивали друг друга, борясь за первенство, но ни за одну так и не получилось зацепиться.

– Я просто подошел к стеклу, а потом оказался за ним. А на месте, где стоял я – появилась... моя копия. Я понимаю, что это звучит абсурдно, но это действи... – договорить мужчине не дал Морок.

– Это была не копия, – сталкер налил в граненый стакан кипяток и бросил чайный пакетик. – Это был ты. Верней, считать этого человека копией не будет ошибкой, просто мне не нравится это определение. Это «зазеркалье». Очень редкая аномалия, я слышал о ней всего несколько раз в своей жизни. Если не грузить тебя, то суть в том, что она загоняет в себя «оригинал», а «отражение» выпускает. И, мягко говоря, это не всегда самый хороший человек. В отражении собраны все разочарования, обиды и злость. Наши потаенные мысли, желания. Зона, она понимаешь, очень непростая.

– Да уж понимаю, поверьте, – эмоционально согласился Женя. – У меня был разговор с моим двойником. Паршивый человек. Но весь ужас в том, что он остался с Василисой. Конечно, если он – это я, то ничего плохого сделать Васе не мог, но все-таки надо как-то поймать этого засранца и вернуть его на место.

Осознав все сказанное, пилот изменился в лице и напрягся. Разговор психически нездорового человека с доктором, ей-богу.

– Он погиб, – с уверенностью произнес Морок.

– Вы уверены? – Женя напрягся и подался вперед, будто они общались о тайнах мироздания.

– Иначе бы ты не выбрался из аномалии. Как только твой двойник погибает, реального человека выбрасывает из аномалии.

– Значит... – Женя выпрямился и замер.

– Значит, Василиса думает, что ты погиб, – подтвердил догадки пилота Морок.

Все услышанное просто не укладывалось в голове у пилота. Принять на веру слова Морока было единственно верным решением, тем более, что иного объяснения всему происходящему у Жени все равно не было.

От этих мыслей становилось совсем не по себе. Да, пусть умер двойник, но ведь он в какой-то степени был частью Фролова, пусть и худшей. Какой смертью он погиб? Храбреца или труса? Достойной или унижительной? С честью ли отдал свою жизнь или даже не успел понять, откуда эта смерть пришла? Хотя, какая, к черту, разница? Как бы то ни было, смерть двойника для Жени означала только начало сложного пути. Тогда он еще этого наверняка не знал, но нутром чувствовал, что дорога домой будет не из легких. Тем более, без Василисы.

– Надо как-то с ней связаться... – задумчиво протянул пилот. – У вас есть какие-нибудь выходы на НИИ?

– Ее нет в НИИ, Женя, – в голосе Морока затесались нотки волнения. – Она не смогла вернуться на Большую землю, – сталкер говорил медленно и тихо, словно вел диалог с неуравновешенным человеком. – Никто не знает, где она.

– Да что случилось?! – потерял всякое терпение пилот. – Я же вижу, что вы что-то знаете! Скажите, как есть!

– На следующий вечер после того, как ты попал в аномалию, в Зоне произошли очень страшные события и продолжают они до сих пор. Периметр пал, военные почти полностью потеряли контроль над ситуацией и до сих пор не могут его восстановить. Сталкеры захватили штаб и еще с десятков крупных блокпостов, держа Периметр под своим контролем. И всю эту кашу заварила Василиса. И я был уверен, что ты рядом с ней.

– Ерунда какая-то, – первое, что сказал Женя, когда его покинуло оцепенение. – Как один человек мог все это провернуть? Да и зачем Василисе это надо?

– Умный человек может и не так перевернуть мир. Скорее всего кто-то перепрограммировал обеспечение, которое создавала Василиса для военных Периметра, и слил в сеть всю информацию об этом. Как итог, слетела система свой-чужой, были взяты под контроль все беспилотники и автоматизированные автоматные комплексы, не стало закрытых дверей...

– Я понял, – перебил Морока Женя, не в силах больше это слушать. – Но это не могла сделать Василиса! Просто не могла! Не такой она человек. Наоборот, все, чем она занимается, должно помогать людям, а не убивать.

Взбурдаженный пилот вскочил на ноги и сам не заметил, как начал нарезать круги по комнате.

– Евгений, ни я, ни ты – не знаем, что на самом деле предшествовало всему этому. Я ни в чем не обвиняю Василису. Может быть, ей угрожали или... да мало ли, что могло произойти.

– Нет! – взмахнул пилот руками. – Что бы ни произошло, Василиса бы не предала дело всей своей жизни. Даже под дулом пистолета. Она скорее сама бы погибла, чем рискнула жизнями солдат и осквернила свою фамилию! Тут случилось что-то страшное, что вышло из-под контроля. И я обязательно это выясню, но не позволю думать о Васе плохо.

– Я и не думал о ней плохо, – Морок сделал глоток чая и облокотился на спинку старого дивана. – Она не злой человек, я это знаю наверняка. Но Зону потрясли страшные события, и все они связаны с разработками фирмы Василисы. Ты должен понимать, что найти ее будет очень трудно, если не невозможно. Титова очень умная женщина, наверняка она скрылась, да так, что концов не обнаружить. Сеть просто пестрит новостями. Думаю, не трудно догадаться о главной повестке дня.

– Наверное, за ее голову объявлена сумасшедшая награда, – протянул Женя, усевшись в большое кресло.

– Баснословная, – подтвердил мысли пилота Морок.

– И что вы мне посоветуете?

– Искать Васю. У меня есть один знакомый информатор, который у меня в большом долгу. Очень в большом. Обитает он на ВДНХ. Думаю, он сможет тебе помочь.

– ВДНХ? Это далеко? – зная, что в Зоне километр за десять, пилот напрягся.

– Другой конец города. Северо-восток Москвы.

– Мне не дойти туда живым, Морок! Я чуть не погиб, пока шел до вас жалкие километры. Мне хотелось бы думать иначе, но я трезво оцениваю свои силы. Кому, к черту, нужны мертвые герои?

– Одному не дойти, – согласился сталкер, вытаскивая из кармана свой коммуникатор. – Но считай, что тебе свезло. У меня есть знакомые, которые смогут тебе помочь. Завтра рано утром они будут здесь, так что – готовься к тяжелой дороге.

– Я с вами в жизни не рассчитаюсь.

– Если ты сможешь докопаться до правды – это будет лучшей наградой. Я не могу покидать пределы метро, таковы правила. Но все, что от меня зависит – я сделаю.

Слова Морока уже были совсем далеко, пилот пытался ухватиться за их смысл, но с каждой минутой делать это было все сложнее и сложнее. Царство Морфея поглощало его с головой, делая все переживания и сомнения ненастоящими. Он закрыл глаза и сжал кулаки, чтобы окончательно не провалиться в сон.

– Я не знаю, зачем вы мне помогаете, но я очень благодарен за все.

Морок ему ответил что-то очень важное, объясняющее все причины и следствия его действий, но пилот не услышал – он заснул сидя на диване.

Ему снова снилась Василиса.

Она сидела за столом у окна, внимательно смотря в экран ноутбука и помешивая ложечкой кофе. В девушке не было той строгости и напряженности, напротив, от нее веяло домашним уютом и теплом. Впервые Женя видел Васю такой спокойной и счастливой. И самому ему было от этого легко и хорошо, будто взаправду все. Не было шрама на щеке, не было седых локонов, спадающих на тонкие плечи, не было страха и отчаянья в глазах.

И когда Фролов проснулся, он четко понял – пока не найдет Василису, даже не предпримет попыток покинуть Зону. Чего бы эти поиски ему не стоили.

* * *

Сбитый «крокодил» полыхал в огне, а в его кабине страшной смертью, заживо сгорая, погибали оба пилота Российской армии. Громкие взрывы, сотрясающие землю один за другим, заставили Титову, которая словно замороженная смотрела на языки пламени, повернуться в сторону высокой стены Периметра. Всего несколько дней назад та казалась неприступной, а сейчас рушилась, как картонный домик. Догорала техника, над головой кружил беспилотник, наблюдая за Василисой своим электронным глазом и передавая изображение на Большую землю, прямиком в ее кабинет. Девушка заставила себя отвернуться от груды бетона и камней, которые еще утром были высокой стеной Периметра, отделяющей два мира. Большую землю и самый настоящий филиал Ада – Московскую Зону.

Титова в этом кошмаре пыталась обнаружить Евгения, чувствуя, что вот-вот произойдет что-то очень страшное и неисправимое.

И оно, это неисправимое, случилось.

Женя, даже не оглядываясь по сторонам, отступал назад, делая последние шаги в его жизни. Василиса видела и осознавала то, что через жалкие полметра ее друг угодит в смертоносную ловушку, но не могла пошевелиться. Тело было непослушным и неподвижным. Титова что-то громко закричала, но было уже слишком поздно – пилот влетел в термическую аномалию, а ее крик утонул в канонаде.

Столб огня окутал пилота за считанные секунды, которые для Василисы растянулись в бесконечность. Она чувствовала, что могла что-то сделать, чтобы помешать этой глупой смерти. Ненавидела и корила себя за свое бездействие. Но даже когда Женин прах смешался с пороховой копотью и радиоактивный ветер подхватил его, навсегда делая частью Зоны, Титова все равно не могла пошевелиться. Тело ее было непослушным, будто чужим. И мир тоже казался ненастоящим.

Тогда она широко раскрыла глаза.

Лампа дневного света противно моргала, давя на и без того расшатанную нервную систему.

– Ну наконец-то, – услышала она и без капли сомнения признала голос Висты. – Ты как?

Вася насчитала около пяти человек, которые с тревожным выражением лица склонились над ней. Среди них точно были Хан и Киконин.

– Что случилось?

Титова хотела сесть, но Киконин мягким, но сильным движением вернул ее в горизонтальное положение.

– Ты спала около восемнадцати часов. Пульс твой снизился до пятнадцати ударов в минуту, и мы уже побоялись, что ты впала в кому, – объяснил ей капитан группировки «Тантал», Киконин.

– Ты вколол ей тройную порцию галоперидола и снотворного! Учитывая, что без этого нейролептика в ней было до черта лекарств, удивительно, что сердце вообще выдержало такую нагрузку! – гневно зашипела Виста на капитана. – Надо же было думать!

– А что мне с ней еще было делать? – в тон, злым шепотом ответил Киконин. – Оставить ее глупо погибать на поле боя? Оглушить? Вот и пришлось ее дезориентировать.

– Где я? – перебила оживленную дискуссию Василиса. – Что происходит?

Она вновь попыталась сесть, но в этот раз ей помешал приступ накатившей тошноты. Зажав рот ладонью, она снова завалилась на спину и закрыла глаза. Стало легче.

– Ты на базе Хана, – заговорила Виста. – В безопасности, не переживай.

– А Женья?! – Титова снова резко села, сомкнув губы.

Организму такие маневры были не по нраву, потому, как только девушка приняла вертикальное положение, ее вырвало. Она только успела свеситься с края дивана, а Виста и рядом стоявший Киконин отскочить.

Титову знобило, спина и лоб покрылись холодным потом. Утерев рот рукавом, она тяжело проглотила вязкую слюну и закрыла глаза, но окружение все равно сделало мертвую петлю и тогда ее вырвало еще раз. Не обращая ни на что внимания, она дрожащим голосом повторила вопрос:

– Где Женья? – Рядом стоящие люди были похожи на кляксы, так видела Титова окружение без очков и линз.

– Василиса, – Киконин положил ей руку на плечо, и девушка вздрогнула от этого. – Жени больше с нами нет. Он...

– Нет, – покачала головой Титова. – Не может такого быть. Он должен был выжить. Обязан! – Страх у Василисы быстро перерастал в злость, потому она не заметила, как начала кричать.

Вскочив на ноги, обессиленная Титова чуть не упала на пол, но ее вовремя успел подхватить Киконин, удержав девушку на ногах.

– Василиса, – мягко начал Хан, перехватив девушку их рук Киконина и усадив ее обратно на диван. – Жени с нами больше нет. Мы все сожалеем об этой утрате, но такова правда. Важно смириться с этим, потому что и без этого у тебя хватит проблем. – Хан замолчал, внимательно наблюдая за реакцией Василисы.

Ее и без того серое лицо стало совсем бледным. Нижняя губа задрожала, глаза заблестели, каждая мышца на лице была напряжена. Но как бы не захотелось расплакаться, Титова не позволяла себе этого. Напротив, сжав кулаки так, что короткие ногти до боли впились в кожу, она выпрямилась и кивнула своим мыслям.

– Я поняла, – отчеканила она под удивленные взгляды сталкеров. – Вы правы, у вас из-за меня, вероятно, много проблем и сначала нужно решать их. А потом уже оплакивать потери.

– Отдохни немного, – посоветовал Хан.

– Я в порядке, – заверила девушка. – И готова к работе. А у нас ее, как я понимаю, очень много?

– Непочатый край! – заверила Виста. – Даже не знаю, с чего начать.

– Если не знаешь, за что браться, значит, надо браться за ум, – машинально ответила девушка. – Но сначала я уберу за собой и поем. Я жутко голодна.

– Конечно, – в один голос ответили Хан и Виста.

– А мне пора возвращаться на ВДНХ, – Киконин нервным движением одернул свитер. – Командование знает, куда я отправился. И раз на Василису идет охота, у них будет очень много вопросов. Но, если что, мы так и не встретились. Своим бойцам я об этом уже сказал.

– Ты в них уверен? – с сомнением в голос спросил Хан.

– Как в себе, – уверенно кивнул Киконин. – Но, если что-то пойдет не так, они не знают, где искать Василису. А тут вы о ней позаботитесь и обязательно что-нибудь придумаете. Правда ведь?

Ему никто не ответил. Никто не хотел врать – ни себе, ни капитану, ни Василисе. Вся сложившаяся ситуация могла в любую секунду усугубиться еще сильнее, потому никто не хотел давать пустых обещаний.

– Со мной все будет в порядке, – ответила Василиса, ни грамма не веря в собственные слова. – Обязательно. Спасибо тебе за все.

Капитан заключил девушку в объятия и ободряюще похлопал ее по спине.

– Я не прощаюсь с тобой.

На несколько секунд они встретились взглядами. И оба поняли, что капитан не врет. Это было произнесено не для поддержки, не для красного словца, а от сердца и искреннего желания помочь. Он действительно не прощался. Но тогда, когда Киконин обнимал ее, Василиса даже представить не могла, насколько огромную роль он сыграет в ее судьбе.

Глава 2

Сборы были быстрыми и очень суетливыми. Морок чего-то или кого-то боялся, потому Женю он подгонял, как только мог, а Фролов, еще до конца не проснувшись, распахивал боезапас по карманам разгрузки и рюкзака. Уже на ходу пилот перешнуровал свои ботинки, чуть не упал, споткнувшись о шпалу, но Морок его вовремя подхватил под локоть. К чему такая спешка, Женя выяснять не стал. Помнил, что у сталкера свои скелеты в шкафу, тайну которых знать совсем не хочется. Хватило с него загадок, еще одна в черепную коробку не уместится.

– Что за знакомые? – когда они оказались на платформе, спросил Женя. – Они точно мне пулю в голову не пустят?

– Если будешь себя по-человечески вести, то не пустят. Главное, ни в коем случае и никому не говори, что ты тот самый выживший пилот, иначе... – сталкер многозначительно замолчал.

– Да все я понимаю, – кивнул Фролов. – Через меня захотят выйти на Василису. А я даже не представляю, что с ней и где она.

– Может, оно и к лучшему, – резюмировал Морок. – По крайней мере, сейчас. Все, дальше на поверхность поднимайся сам.

Остановившись в центре платформы «Беляево», Женя растерялся и невольно развел руками. Все последние дни были очень сложными для него, но рядом всегда был тот, которому пилот мог доверять. Когда ты делишь с человеком одну на двоих цель и идешь плечом к плечу, действовать значительно проще. И страх не накрывает с головой, сомнения не разъедают, да и видишь проблеск в конце тоннеля. А вскоре Женя останется совсем один.

– Морок, спасибо вам за все. Мне даже не передать, насколько...

Фролов обернулся в сторону, где мгновение назад стоял сталкер, и резко замолчал. Морока не было. Непослушными пальцами нащупав на фонаре выключатель, Женя щелкнул им и закрутился вокруг своей оси. Луч от фонаря, который благородно отдал Морок, вырывал из темноты только колонны, отделанные белым мрамором. Ни намек на присутствие рядом человека. Сталкер словно слился с этой густой темнотой.

– Насколько я вам благодарен, – договорил Женя, будучи уверенным, что его услышат.

Сообразив, что он стоит один уже несколько минут, Фролов вздрогнул и поторопился к эскалатору. Прочь от этого страшного места, в котором тайн и загадок хватит на век вперед. Не ему их разгадывать.

Поверхность встретила теплым осенним солнцем и запахом прелой листвы. Надо же, он был под землей меньше суток, а уже забыл, насколько легче дышится наверху и как может пригревать солнце. Только не до солнечных ванн сейчас. Да и свинцовые тучи набегали с севера Москвы. Скоро встреча с... Пилот даже не знал, с кем именно и что от этих людей ожидать. Более того, он даже не знает, где находится ВДНХ. Для человека из Сибири, который в столице не бывал, а слышал про город только из новостей, это загадка. Что он знал про Москву? Сюда все едут за хорошей жизнью и высокими зарплатами. Ехали. Город, который покорить удавалось далеко не каждому. Но Женя сюда и не стремился, ему хорошо было в родном Новосибирске. Какая разница, где тебя будет обламывать судьба? А так стены родные, да и цены в магазинах явно ниже столичных будут.

В своих мыслях он находился недолго. Из воспоминаний о родном городе его вырвал громкий шум двигателя автомобиля. Машинально ухватившись за цевье автомата, Фролов попятился под прикрытие стены магазина. Зона меньше, чем за неделю, сделала из него параноика.

Машина, которая приближалась, не была похожа на транспорт апокалипсиса. Это нечто вообще не было похоже на автомобиль и явно ездило только благодаря какой-то там матери и молитвам водителя. В лучшей своей жизни это была «Приора». Сейчас же от «Лады» остался только значок на решетке радиатора. У творения российского автопрома срезали часть крыши и на ее место приварили откидную решетку. На багажник установили пулемет Калашникова, а снаружи, перед лобовым стеклом, были приварены все те же прутья, которые должны были защитить водителя и пассажиров от агрессивных тварей. Судя по изогнутой арматуре, свою задачу они выполняли. Высоту подвески автомобиля тоже увеличили, поставили на колеса с большим протектором. «Лада» была теперь похожа на безумное творение инженера. Почему при огромном выборе автомобилей, которых можно было вернуть к жизни и которые больше подходили для нынешних условий, выбрали именно «Ладу», для Фролова было загадкой. Он даже несколько растерялся, не зная, что и думать. Однако, когда автомобиль снизил скорость, Женя из своего укрытия вышел, чтобы водитель его заметил.

Автомобиль остановился и из него вылез высокий молодой человек.

– Ты Реверс, – это был не вопрос, парнишка утверждал.

– Да, – быстро и уверенно ответил пилот. – Я.

– А я Ранчу. Морок писал мне, говорил, тебе помощь нужна. А учитывая, что нам по пути, я просто не мог ему отказать! Прыгай в тачку! – он, не скрывая гордости, кивнул себе за спину.

В парнишке было не меньше двух метров роста, лицо покрывала густая рыжая борода, щеки усыпаны веснушками. Глаза у него были большие, зеленые и светились жизнью и радостью. В руках сталкер сжимал бельгийскую винтовку, а сам был облачен в черную спецназовскую форму. Парень был явно армейской выправки – статная осанка, стройная фигура, держался он, словно в строю, обмундирование с иголочки, подогнанное под его весьма нестандартный рост.

– За пулемет встанешь! – бросил рыжий, когда сел за руль.

– Вот так просто? – Женя не мог скрыть удивления. – Ты берешь с собой непонятно кого и доверяешь ему оружие?

– Морок меня бы в жизни не свел с гнилым человеком. Если он говорит, что тебе нужна помощь, то ты явно не самый плохой человек. Я доверяю ему, а, соответственно, тебе. Как он там, кстати?

Ненадолго растерявшись, Женя с плохо скрываемой неуверенностью ответил:

– Да вроде неплохо. Но кто ж его поймет?

– Это точно, – согласился сталкер. – Самый загадочный человек, которого я знаю. В нем даже больше загадок, чем в Ирме, например.

– Ирм?

Женя снял рюкзак, запихнув его под сиденье машины, а сам устроился на заднем сиденье, поближе к пулемету, так, чтобы в любую секунду он мог открыть огонь и не промедлить. Внимательно осмотрев пулемет Калашникова, пилот приметил очень странный агрегат на сошках. Ярко-розовый кубик, размером со спичечный коробок, был примотан к ним скотчем. Поймав во взгляде пилота немой вопрос, парень махнул рукой.

– А, это «дождевик», – сказал рыжий, будто его слова все объясняли. Но завидев, что пилот все еще находится в полном недоумении, сталкер разжевал: – Главный недостаток этого оружия – водобоязнь автоматики. Если вода или конденсат попадет в клапан газоотводного устройства, могут быть проблемы. А этот артефакт отталкивает воду, как это делает жир. Ладно, ты готов?

– Готов, – неуверенно согласился Женя, хотя вопросов у него не убавлялось.

Один из животрепещущих был, почему именно эта колымага! Может, раньше это была личная машина и даже после катастрофы парень не смог с ней расстаться? Или... да какая,

к черту, разница? Она едет, на ней установлен пулемет, и Женя приметил даже дозиметр и детектор аномалий на приборной панели.

– А кто такой Ирма? – отвлекаясь от глупых размышлений о загадочном прошлом этого автомобиля, поинтересовался пилот. – Я уже не впервые слышу о нем. И долго ли нам ехать?

Автомобиль, поддавшись опытному водителю, плавно тронулся с места, что для подобного инженерного творения казалось невозможным.

– Ну, – машинально бросив взгляд на запястье, протянул сталкер. – В это время пробок на кольце нет, так что, все зависит от ее величества Зоны и Удачи.

Они медленно ехали по улице Миклухо-Маклая и свернули на Профсоюзную. В этот момент Жене показалось, что вся Москва, вся Зона, сошлись на этом районе. Последние дни ему, по меньшей мере, приходилось проходить здесь раза четыре. И вот, он покинул этот заколдованный круг. Женя задрал голову вверх, к темнеющему небу, которое приходилось наблюдать через решетки на крыше автомобиля. Заморосил противный дождь, но ни одной капли не попадало в салон. Внимательно всмотревшись, пилот заметил два таких же розовых аномальных образования, отталкивающих влагу.

Водитель молчал, пока они проезжали всю Профсоюзную улицу, которая растянулась больше, чем на десять километров. Ранчу был сильно напряжен, хотя всем своим видом и выражал спокойствие и уверенность. Пилот просто не решался его отвлекать пустыми разговорами, однако обеспокоенность передавалась и Жене, а удручающие пейзажи мертвого города не придавали оптимизма.

– Ты про Ирму спрашивал? – нарушил молчание сталкер. Тишина его сильно напрягала, потому он зацепился за вопрос, который пилот задал в самом начале их знакомства.

– Да, спрашивал, – подтвердил Фролов, когда уже потерял всякую надежду на ответ.

– В том году Зону потрясли ужасные события, – быстро и с охотой заговорил Ранчу. – Всю Москву чуть не накрыло действием психотронного оружия.

Сталкер многозначительно замолчал, явно подогревая интерес пилота, но Женя, все мысли которого занимала только Василиса, не мог полностью проникнуться ситуацией, которая в то время действительно была более чем серьезной. Человеку, потрясенному личной катастрофой, нет дела до судеб тысячи незнакомых ему людей. Вот такая эгоистичная тварь – человек.

– Я во внимании, – пилот изобразил на своем лице крайнюю заинтересованность.

– Так вот, это очень страшное оружие. – Ранчу говорил тихо, потому пилоту приходилось напрягаться, чтобы вслушаться. – Если бы его применили, все сталкеры в Зоне превратились бы в марионеток, бездумно выполняющих приказы хладнокровных отморожков.

– И, как я понимаю, Ирма спас от неминуемой катастрофы тысячи жизней?

– В точку! Но не он один все это провернул, ему помогли Виста и офицер группировки «Тантал» Киконин. Но знаешь, что самое необычное во всей этой истории? – голос Ранчу перешел на таинственный шепот.

– Даже боюсь предположить, – пилот покачал головой.

– То, что Ирма обладает аномальными способностями! Благодаря им все и закончилось хорошо. После тех событий, о способностях наемника заговорила вся Зона. Правда, ходит немало баек вокруг сталкера. По одной из них, Ирма дитя Зоны, по второй, он просто псих и все, что случилось, не более чем удачное стечение обстоятельств, которое и принесло славу ему, Висте и офицеру. Правда, Висту и до того дня каждый псевдопес в Зоне знал.

– Интересно, – машинально ответил Фролов. – А вы сами, как думаете?

Несколько минут Ранчу задумчиво молчал, а после неуверенно ответил:

– Мне кажется, что это просто особенный Человек. Может, он и правда обладает какими-то способностями, а может и самый обычный охотник за удачей, но разве это важно? Доподлинно известно лишь о непростом прошлом Ирмы. Его променял на большие деньги коман-

дир, которого он считал другом, отдав приказ ликвидировать группу, в состав которой входил Ирма. На его глазах погибли товарищи по оружию, друзья. Именно с предательства командира началась эта страшная история. Но Ирма не потерял веру в людей, в себя, он шел до конца, рисковал своей жизнью и был готов ее отдать, чтобы спасти сотни неизвестных ему людей. Понимаешь, такие люди, как Ирма, редкость. Их и на Большой земле почти не осталось, а про Зону и говорить нечего. Конечно, сейчас вся эта история обросла большим количеством выдуманных подробностей, но она по сей день является примером великодушия, мужества и справедливости. Историей о Добре, победившем Зло. А нам, потерявшим всякую веру в людей, нужны такие истории. Понимаешь?

– Понимаю, – серьезно ответил Фролов. Он действительно проникся рассказом об этом наемнике. – Людям нужна вера в других, хороших людей.

Они оба снова замолчали.

Сквозь ветки деревьев, Женя на фасаде четырехэтажного дома приметил ржавый указатель улицы. Что-то связанное с октябрём, больше помешала пожелтевшая листва. Ранчу, устав лавировать между брошенными автомобилями, заехал на разделительную полосу. Вообще, Женя не считал хорошей идеей ехать по главной дороге. Он чувствовал себя, словно голый, но припоминая свой небольшой опыт перемещения по Зоне на автомобиле, отчасти понимал решение Ранчу. Во дворах, словно в ловушке – нет места для маневра, порой не объехать аномалию, если мешает припаркованный автомобиль или поваленное дерево.

Москва.

А ведь, чертовка, хороша! Красива, грациозна, таинственна. И даже жаль ее стало, как чужого брошенного ребенка. Санкт-Петербург превратился в руины, но для Жени культурная столица пока оставалась серым пятном, бесполой Зоной.

Фролов не заметил, как начал засыпать. Вот он смотрел на многочисленные покосившиеся вывески на домах, рекламу на дороге, моргнул, а через секунду увидел странные картины.

Ранчу остановил свой автомобиль у магазина с большой красной вывеской «Подарки». Сталкер около минуты смотрел на огромную стеклянную витрину, которая каким-то непостижимым образом сохранилась целой, а после этого вышел из автомобиля. Он вернулся через несколько минут с огромным букетом желтых гербер, ошеломя тем самым Фролова.

– Моя мама тоже любила герберы, – открыв глаза, выдавил из себя Евгений. – Особенно желтые.

– Что?! Ты к чему это сказал?

Женю сильно потрянуло, они снова выехали на главную дорогу, и пилот, от неожиданного маневра, больно ударился головой о переднее сиденье.

– Что ты сказал?! – голос Ранчу дрогнул. Только благодаря завидному самообладанию, сталкер не повысил голос до крика.

– Я говорю, что моя мама тоже любила герберы, – повторил пилот. – Мы же с тобой говорили о цветах, верно?

– Реверс, вообще-то я молчал, – с трудом выдавил из себя Ранчу. – Я тебе ни слова не говорил про свою маму. Да я вообще последние двадцать минут молчал, пока ты безответственно дрых!

– Наверное, ты задумался и не заметил, как произнес вслух, – отмахнулся пилот. – Я понимаю, как ты скучаешь по своей матери.

– Я молчал, – отчеканил Ранчу. – И я в этом уверен. Пока еще шизофренией не страдаю.

Сталкер действительно за все это время не проронил ни слова. Но в тот момент пилот не задумывался, откуда в его подсознании возник образ рыжеволосой женщины, чертами лица так похожей на самого сталкера. У Фролова просто не было время все осознать. Автомобиль снова резко затормозил, Женя в очередной раз ударился лбом о водительское сиденье.

– Но я на самом деле задумался о матери, когда мы проезжали магазин...

Сталкер медленно обернулся к пилоту и долгие секунды сверлил его взглядом. Женя растерялся, и в этот момент ему захотелось провалиться под землю, настолько глупой была ситуация. Кто из них сошел с ума? Ранчу или он сам? Или это просто глупое совпадение? Ну, подумал он о своей матери, ну приснилась Фролову, когда он вырубился на несколько минут, какая-то женщина. Да, рыжая, так это не удивительно, ведь и Ранчу не брюнет. Вероятно, подсознание и сыграло на последнем запомнившемся образе.

– Что ты увидел? – не сдавался сталкер.

– Да пригрезилось мне что-то, – попытался отмахнуться пилот. – Забей. Просто поехали дальше, а то стоим, как мишени в тире.

– Пока ты не расскажешь, что ты видел, мы не тронемся дальше.

– Ну... – неуверенно, и не сводя взгляда со сталкера, протянул Фролов. – Увидел, как ты остановил машину у магазина, купил большой букет гербер. А потом отдал их женщине.

– Опиши ее, – в голосе Ранчу послышались стальные тонки.

– Она... – Евгений нахмурился, пытаясь вспомнить образ. – Она, безусловно, очень красива, – наконец выдал из себя Женя. – Невысокая. Волосы у нее кудрявые, рыжие, длинные. Больше я не помню. Мне показалось, что это твоя мама. Ну, знаешь, так бывает, когда видишь сны, ты априори уверен в каких-то вещах. И часто, да почти всегда, эти вещи в реальной жизни очень абсурдны.

– Нет, – с испугом в голосе покачал головой Ранчу. – Это действительно моя мама. Ты все верно рассказал, будто поймал... – сталкер замолчал, задумавшись, – будто прочитал мои мысли. Да уж, стоило думать, что Морок дружит с очень необычными людьми.

– Да нет же, – в голосе Жени прозвучали нотки взволнованности. – Я обычный, самый обычный человек. У меня нет абсолютно никаких способностей, помимо как влипать во всяческие неприятности.

– Ранчу!!! – заорал Фролов сталкеру, который до сих пор сидел, повернувшись в его сторону.

Одновременно с криком, в левый бок машины был нанесен сильнейший удар. настолько массивный, что Ранчу, до крови прикусив губу, завалился на соседнее сиденье. Мутант же, сообразив, что попытка была неудачной, разбежался и снова, с упорностью тупого барана, налетел на автомобиль. Будь «Лада» легче или чудовище больше, они бы непременно перевернулись. Не успел Фролов сориентироваться, как последовала следующая атака, в этот раз нечто запрыгнуло на крышу автомобиля, позволив рассмотреть себя в полной мере. Задрав голову, пилот встретился с мутантом взглядом – пустым и неосмысленным. Уродец раскрыл свою большую пасть, из которой тут же на Женю вытекла вязкая и вонючая слюна. Зубы у мутанта были гнилые, и явно большая половина из них выпала. Такими врага не прокусишь. А вот лапы у зверя были длинными и очень когтистыми. Гибкое, длинное и худое тело покрывал густой и грязный мех, скатавшийся в огромные колтуны. На длинных лапах и морде шерсть имела отвратительный болотный оттенок, и Фролов был готов поклясться, что рассмотрел в ней водоросли.

Тварь, воспользовавшись заминкой, просунула худую, когтистую лапу через решетку и попыталась ухватить Фролова за шею. Пилот был немного быстрее – он схватил в руки автомат и упал на спину, вжавшись в пол. Лапа прошла в сантиметрах десяти от его лица, дальше просунуть ее мешала решетка. Из такого положения стрелять Жене еще не приходилось. Он, лежа на спине и подогнув под себя ноги, направил оружие вверх и дал короткую очередь. Но поразить цель не успел. Мутант спрыгнул с крыши и одновременно с этим «Лада» тронулась и бодро побежала по разделительной полосе.

– Гаси эту тварину из пулемета! – зачем-то заорал сталкер.

Рывком забравшись на сиденье, Женя ошалело осмотрелся и рефлекторно отпрянул назад, ударившись плечом о водительское сиденье. Мутант, двигаясь скачкообразно, почти

сократил расстояние до автомобиля и уже изготовился для длинного прыжка. Оттолкнувшись мощными гипертрофированными задними лапами, уродец, словно отпущенная пружина, взлетел на несколько метров вперед и вверх. Он уже был на расстоянии вытянутой руки, как Женя выпустил очередь из пулемета. Чудовище, с перебитой грудной клеткой, отбросило в сторону, на капот гниющей французской машины, навсегда вставшей на светофоре.

– Нормально все! – ответил Женя то ли себе, то ли Ранчу. – Помер, кажись.

Не сбавляя скорости, сталкер приподнялся и обернулся, будто словам пилота не поверил. Убедившись, что мутант не подает видимых признаков жизни, Ранчу кивнул и притормозил. Индикаторы детектора аномалий на приборной панели, словно новогодняя гирлянда, замигали всеми цветами, и умная техника запищала противным, усиленным в сто крат комариным писком. Какое-то время охотник за удачей просто пялился на приборную панель, а потом задумчиво протянул:

– Ерунда какая-то, – он тряхнул головой, словно отгонял муху.

– Что такое? – Фролов заглянул сталкеру через плечо, но смотря на детектор, так ничего и не понял. Хотя он и встречался с подобным гаджетом, как он работает, до конца так и не понял, и столь странное поведение у техники он точно не встречал.

– Да не знаю. Если верить ему, то в радиусе пятнадцати метров аномалий десять. От гравитационных до термических. Но я ни одной не вижу.

Сталкер наполовину высунулся из автомобиля и бросил вперед гайку. Мужчины внимательно проследили за ее полетом. Преодолев несколько метров и не найдя никаких препятствий, шестигранная гайка упала на разбитый асфальт. Затем бросил вторую, третью, четвертую. Ничего. Совсем ничего. Пролетали метров пять и падали на сырую дорогу. Тогда, взяв в руки детектор, Ранчу вылез из машины. Фролов уже было дернулся за ним, но был остановлен жестом.

– Будь в машине, – спокойно попросил сталкер. – Там, кажется, артефакт образовался, надо проверить.

С нескрываемым недовольством, Женя остался в автомобиле и вытянулся, наблюдая за медленно шагающим вперед сталкером. Пилот пытался разглядеть впереди хоть какое-то аномальное образование, но ничего необычного – поросшая густой травой разделительная полоса, да убитая временем и погодой дорога с ржавеющими автомобилями на ней.

В одной руке сталкер держал горсть гаек, другой сжимал детектор аномалий, внимательно рассматривая показатели на экране. Даже когда Ранчу отдалился от автомобиля, до Фролова все еще доходил монотонный писк, давящий и на без того расшатанную нервную систему.

Идти вперед – идея отвратительная, Женя был в этом уверен, однако крикнуть сталкеру что-то вроде: «Эй, разворачивайся!» он тоже не мог. Не имел никакого права. Ранчу, судя по коротким рассказам Морока, сталкером являлся бывалым и очень опытным. Значит, он знает, что делает, и в советах не нуждается. Однако на душе было беспокойно. Интуиция – очень странное свойство у человека, и отогнать его от себя не получается, и объяснить не представляется возможным. Вот как в этой странной ситуации – седьмым чувством Женя понимал, что вот-вот случится что-то непоправимое, но остановить охотника за удачей не мог. Но Женя выучил один урок – в Зоне не всегда необходим холодный расчет и логика, иногда просто необходимо прислушаться к своим ощущениям – они не обманут.

– Ранчу, – не выдержал Женя и, послушавшись приказа, вышел из машины. – Возвращайся, у меня какое-то нехорошее предчувствие.

А предчувствие, с каждым новым шагом сталкера, у пилота было все хуже и хуже.

– Да подожди, – сталкер обернулся в Женину сторону. – Судя по показаниям детектора, цацка где-то здесь. Ты пока рот не гай и смотри по сторонам. Не на курорте.

Охотник за удачей сделал еще один небольшой шаг и пропал.

Только что он стоял в десятке метров, а теперь пустота, ни намека на присутствие человека. Ничего.

– Ранчу! – Женя дернулся, но быстро осознал абсурдность своего поступка и замер, словно вкопанный.

– Эй, – голос пилота от испуга дрогнул. – Боец?

В ответ только тишина мертвых улиц большого города.

Сглотнув вязкую слюну, Женя сделал глубокий вдох, закрыл на несколько секунд глаза, но когда он их открыл, ничего не изменилось.

– Ладно, – сказал под нос сам себе пилот и нервным движением перехватил оружие.

По-хорошему, необходимо подождать Ранчу какое-то время, и если он не появится, разворачиваться и уходить. Так говорил рационализм и чувство самосохранения. Женя смотрел перед собой, туда, где пропал сталкер, и про себя размышлял. Это аномалия. Определенно. Возможно, временная, возможно, пространственно-временная, может быть что-то похожее на «зазеркалье» или еще какая-то ловушка, о последствиях попадания в которую даже подумать страшно.

«У тебя есть дела поважней», – наставлял себя Женя, не моргая смотря на дорогу. «Необходимо найти Василису и убедиться, что с ней все в порядке, рассказать, что случилось со мной. Наверняка она думает, что я погиб, и не находит себе места». Пилот размышлял вполне рационально, но поступил совершенно наоборот.

Он дошел до места, где в последний раз видел Ранчу, зажмурился и шагнул...

Ничего. Ничего от слова «совсем». Просто очередной шаг по разбитой дороге. Нечто похожее испытывает маленький ребенок, который приходит в комнату после родительской уборки и не может найти свои вещи там, где их оставил. В комнате уже убралась мать, и гордо после этого удалилась, оставив ребенка в полной растерянности. И вот ребенок бежит к родному человеку и со слезами на глазах спрашивает, куда убрали его любимую игрушку, а мать и не помнит, куда все поставила, в то время как для ребенка проблема поиска своей игрушки – вопрос жизни и смерти. Ну как еще солдаты на своих нелепых, криво отлитых подставках, пойдут в бой без своего командира? Как построить крепость из кубиков и старых книг, идеально подходивших на роль крыши, если всего этого нет на высоком подоконнике, рядом с горшками любимых бабушкиных фиалок? Как организовать крутую гонку на узорчатом ковре, если нет любимой красной машинки, единственного претендента на победу? Все эти вопросы останутся без ответа до тех пор, пока ребенок не перевернет весь дом вверх дном, и не найдет однорукого командира в мусорном ведре, книгу на бабушкиной полке, а машинку в старой коробке с запылившимися игрушками. Женя по инерции преодолел еще метров двадцать, сплюнул под ноги и вытащил из кармана пачку сигарет.

Непослушными пальцами пилот чиркнул колесиком трофейной «зиппы», и огонек коснулся кончика сигареты. Пагубная привычка травить себя никотином вернулась к нему в Зоне и крепко привязалась.

Что делать? Кого звать на помощь? Как правильно себя вести?

Просто развернуться и уйти? У Жени есть и машина и оружие, но это будет неправильно. Получается, он просто бросит Ранчу в беде. Фролов знал, что жить он с этим спокойно точно не сможет, это будет подло и гнусно. Потерев виски, Евгений напряг все свои умственные способности и память. Ничего о таких аномалиях он не слышал.

– Ого!!! – услышал он знакомый голос за своей спиной и подпрыгнул от неожиданности на месте. – Огонь! Реверс, ты обязан это увидеть!

Открыв было рот, чтобы сказать, как он рад видеть Ранчу живым и здоровым, пилот успел выдать из себя только невнятный звук. Его ухватили за руку и протащили несколько метров вперед. А потом мир закружился, сделал мертвую петлю, а когда Женю перестало тошнить и к нему вернулась способность рационально соображать, он осмотрелся.

– Вау, – выдавил на выдохе пилот и закрутился вокруг своей оси, до конца не веря глазам. Москва преобразилась. Она в какой-то миг, поймать который Фролов так и не успел, ожила, став пестрой, многолюдной, солнечной и очень гостеприимной.

В нос ударил приятный запах выпечки, и желудок тут же ответил громким урчанием, а рот заполнился слюной.

– Ч-ч-ч-то это? Где мы? – заикаясь и не переставая крутить головой, восторженно и одновременно испуганно спросил Женя. – Как такое возможно? Как мы сюда попали?

Умом Женя понимал, что они все на той же улице, в том же месте, только время совсем другое. Первое, что бросилось в глаза – памятник Гагарину. Юрий Алексеевич смотрел на Ленинский проспект с высокого ребристого постамента, а у самого подножья монумента находилась копия корабля «Восток», того самого, на котором в 1961 году Гагарин совершил первый полет в космос.

– Здорово, правда? – подмигнул Ранчу. – В наше время памятник разъезла кислотная аномалия, остался только намек от постамента. Так что, нам, можно сказать, повезло.

– Повезло?! – Евгений не понимал, что происходит, потому начинал злиться. – Да что происходит, черт возьми?!

– А, – небрежно фыркнул охотник за удачей. – Это всего-навсего временная аномалия, – отмахнулся сталкер от Жени, как от назойливой мухи. – Очень редкая, но вполне себе изученная и даже безопасная. Выбраться отсюда дело двух щелчков, не бойся.

– Смотри, какая красота. Никаких пробок, перегруженных дорог.

В чем-то Ранчу был прав, по дороге проехало всего несколько «восьмерок», «москвичей» и «зиллов». Такого движения не было даже в его провинциальном городе, там встать утром в пробку дело нехитрое. Зажмурившись, до конца не веря во все происходящее, Женя взвыл и до хруста сжал кулаки. Он устал от этих постоянных загадок, ответы на которые давать ему никто не собирается, устал от того, что все вокруг знают все лучше него, устал от неопределенности и новых реалий Зоны, которые никак не уместались в его черепной коробке.

Мимо прошла девушка в ярких брюках-бананах и противного желтого цвета кофте с широкими рукавами. Следом за ней спешил молодой человек в голубых джинсах и клетчатой рубашке, надетой поверх белой футболки. Люди вокруг пестрые, нелепо и смешно одетые.

Это была мода девяностых. Уродливая и беспощадная. Мода после перестройки. Тогда, вместе с новым временем, пришли и новые тенденции. В тот очень непростой период, люди были дезориентированы. Вроде, с одной стороны, появилась свобода, а с другой стороны, никто не понимал – а что популярно-то? И во всей этой неопределенности, смотрели телевизор и подражали тому, что видели с голубых экранов. Тогда трудно было удивить невозможным сочетанием деловой блузки и спортивных штанов. Началась эпоха бесформенных курток, нелепо смотрящихся на низких девушках, уродливых плащей, капоров. Еще чуть позже стали актуальны лосины, которые носили все – от мала до велика. Затем появились косухи и джинсовые куртки, которые надевали только самые клевые парни и девушки в городе. Сейчас, конечно, все это вспоминать смешно, но тогда такой товар был в дефиците. Женя в девяностые был еще ребенком, потому у него сохранились только смутные воспоминания. Знал только, что время было сложное для всех, и отца, который работал на трех работах, чтобы прокормить семью, он почти не видел. Но сейчас-то! Как они смогли переместиться почти на четыре десятилетия назад!

– Они нас видят? – тихо спросил пилот.

– Они нас не замечают, – неопределенно ответил сталкер. – Мы что-то вроде слепого пятна. Возможно, они чувствуют наше присутствие рядом, но не способны заметить. В Зоне ведь ничего не бывает просто так, необдуманно. Если бы они нас могли видеть, это обязательно нашло бы отражение в будущем. Ты же смотрел всякие там фильмы про людей, попавших в прошлое? Знаешь, какие могут быть последствия, если повлиять на ход времени.

– Ага, – глупо отозвался Женя. – Книжки всякие читал в детстве. Это все, конечно, здорово, но мне не по себе. Как вернуться обратно?

– Я же сказал – дело двух щелчков.

Брови Фролова поднялись от недоумения, он, приоткрыв от удивления рот, ждал хоть какого-то продолжения, но вместо этого Ранчу вытащил из кобуры пистолет и с переполняющим горечью вдохом покрутил его в руках.

Раз.

Сталкер снял «кольт» с предохранителя. Его лицо исказила гримаса отчаяния и грусти. Недовольно поджав губы, Ранчу выдохнул и покачал головой, сказав себе под нос что-то совершенно невнятное.

Два.

Молниеносным движением сталкер запихнул себе дуло пистолета в рот, сморщился, тихо пискнул и нажал на спусковой крючок.

В лицо оторопевшего и ничего не понимающего пилота брызнула кровь и мозговое вещество.

– Что за фигня?! Что, мать твою, это за хрень! Эй!

Фролова затрясло, то ли от страха, то ли от злости. Непослушными руками он провел по лицу, пытаясь стереть с себя еще теплую кровь, но только все растер. Тошнотворный ком подступил к горлу, тогда, сглотнув вязкую слюну, Женя заставил себя не думать об этом.

Стараясь сохранить хладнокровие и ясность ума, Женя сел на корточки и закрыл глаза, чтобы советская Москва не отвлекала его от размышлений. Что он имел в сухом остатке? Мертвого сумасшедшего проводника и полную задницу, в которую из-за этого самого проводника попал. За все время, проведенное в Зоне, Женя не встретил еще ни одного человека, который подходил бы под параметры нормальности. Все, без исключения, в той или иной мере были безумны, раз добровольно оставались в этом месте, но этот рыжий парень побил все рекорды.

Но если не думать о Ранчу в этом ключе? Что, если он не сумасшедший. Но разве нормальный, психически здоровый человек пустит себе пулю в голову?!

Успокоившись, Фролов вспомнил, что парень пропал в настоящем времени и вернулся через несколько минут, за которые Женя успел надумать черт знает что. Может, тогда он и угодил в эту аномалию. Это бы многое объяснило. Получается, выбраться из нее можно только умерев в этом времени? В общую картину подобная мысль вписывалась, но от того не переставала казаться безумной. Поднявшись с корточек, Женя снял с плеча автомат и перехватил его за цевье. На короткое мгновение в его голове серьезно затесались мысли о самоубийстве, как единственном способе вернуться в свое время.

– Ну нет же! – сказал сам себе Женя и громко, истерично рассмеялся.

Нервы сдавали. Ситуация давно вышла за все грани Добра и Зла.

Около недели назад он считал крушение самолета самым страшным обстоятельством, которое с ними произошло. Но, черт возьми, это был только первый круг Ада. Для Зоны этого недостаточно. За семь дней молодым людям пришлось пережить столько дерьма, сколько не может выпасть даже на несколько жизней самого невезучего человека. Их с Василисой хотели продать, на них охотились опытейшие наемники, они успели поработать на опасных головорезов, спуститься под землю, попасть там в аномалию с сильнейшим психотронным воздействием, спастись от сумасшедшего лучника с аномальными наконечниками на стрелах, уберечь Василису от изнасилования. Помимо всего, им постоянно приходилось бороться с настоящими чудовищами, которые умели быстро ползать, летать, преодолевать несколько метров в одном скачке, брать под свой контроль тело и мысли. Биться с уродами, способными одним взмахом длинной гипертрофированной конечности перерубить пополам взрослого человека. Убивать людей, чтобы выжить самим. Женя успел побыть даже в аномальном заточении.

Слишком много было пережито и пройдено, чтобы все закончилось вот так глупо.

Заставив себя повернуться в сторону труп Ранчу, Фролов опешил, когда не обнаружил его. Никаких следов. Вообще!

– Реверс! Ну сколько тебя ждать-то можно?!

Голос послышался за спиной, но пилот не хотел оборачиваться. Он просто не был уверен, что готов к новому повороту Судьбы. Продолжая смеяться, Женя вытер выступающую влагу на глазах.

– Что ты ржешь?! Говорю, домой пора!

Ранчу подошел к пилоту и встал перед ним, внимательно вглядываясь в его лицо. Рыжий сверлил Женю взглядом долгое время, спрашивал, все ли в порядке у того, но Фролов только смеялся и не мог успокоиться.

– А, я понял, – добродушно улыбнулся сталкер. – Ты никогда не попадал в эту аномалию. Понимаю, выбираться из нее не очень приятно, но надо, дружище.

Не переставая ни на секунду улыбаться, с неиссякаемой добротой во взгляде, парень покачал головой, достал пистолет из кобуры и вздохнул.

И тут Женя резко успокоился, словно ледяной водой его окатили. Он испуганно выставил перед собой руки и начал пятиться.

– Нет-нет, не делай глупостей, – глаза его округлились от ужаса. – Не надо, Ранчу! Не бери грех на душу. Дружище, это плохая идея!

– Не ссы, – подмигнул Ранчу и выдал спусковой крючок.

Свинцовая пчелка вошла точно между глаз пилота. На лице Фролова застыли посмертные эмоции удивления и страха.

– Уже третий раз из-за тебя, – сказал он, глядя на труп Фролова. – К такому не привыкнуть.

Сталкер перехватил оружие двумя руками, прищурился, чувствуя, как сильно колотится сердце, и выстрелил себе в подбородок.

Голова от боли разрывалась, словно по ней ударили чем-то тяжелым, да прямо по макушке.

Заскулив, Женя медленно сел, несколько раз моргнул, сделал глубокий вдох и медленный выдох, потер виски.

Рядом, держась двумя руками за голову, сидел Ранчу. Он явно чувствовал себя намного хуже, чем пилот. Содрогнувшись всем телом, он зажал ладонью рот и встал на колени. Охотника за удачей мучительно рвало. Не в силах больше наблюдать за страданиями парня, Фролов достал из своего рюкзака пластиковую бутылку с водой и, опираясь на оружие, медленно поднялся.

– Держи, – он протянул бутылку сталкеру. – Выпей и умойся.

В то время, пока Ранчу приходил в себя, Женя осматривался. Они определенно вернулись в свое время. Убитая дорога под ногами, через которую прорываются мощные ростки растений, слева виднелись «стекляшки» Москва-сити, архитектуру которых в девяностых даже вообразить никто не мог, упавший указатель, гласивший о том, что чтобы попасть на Варшавское шоссе, необходимо свернуть направо. На месте, где возвышался памятник, остался только намек от постамента, который облюбовала фосфоресцирующая зеленым светом кислотная аномалия. Но весь этот удручающий вид мертвого города радовал сейчас пилота намного больше. Так было естественно и правильно, это была настоящая Москва, а не красивая иллюзия. Такой оживленной ей уже никогда не стать – ни через десять лет, ни через пятьдесят. В первые дни пребывания здесь в это поверить было очень трудно, в голове не укладывалось, как такой огромный мегаполис смог превратиться в руины. А сейчас пилот принимал это, как должное, будто иной судьбы город и не знал.

– Ты что, не мог повторить за мной? У меня из-за тебя теперь голова раскалывается! – жаловался Ранчу, возвращаясь за руль автомобиля.

– Ты серьезно?! – Женья снова начал злиться, но быстро взял себя в руки. Только поругаться на полпути к ВДНХ им не хватало. В конце концов, особой вины на Ранчу не лежало. – Ладно, – пилот забрался в машину, захлопнув за собой дверь. – Прости. Я до этого дня никогда не попадал в подобные аномалии и даже не слышал о них, вот и испугался.

– Ты меня прости, это я что-то погорячился. Просто подобные аномалии в Зоне легендарны. Впервые про них заговорили года четыре назад, но на уровне баек и легенд. Мол, угодив в них, попадаешь в Москву прошлого. Кто говорил семидесятых годов, кто восьмидесятых, кто нулевых. Рассказчиков находилось достаточно, истории одна на другую не похожи. А некоторые такие «попаданцы» иногда так завирались, что сами путались в своих историях. Но на более серьезном уровне заговорили лишь после того, как в такую аномалию попал уважаемый и серьезный сталкер. Он пробыл там три с половиной месяца, но так и не смог найти выхода. В итоге, нервы у него сдали, и он застрелился.

– И вернулся в свое время? – подытожил рассказ Женья.

– И вернулся в свое время, – согласился Ранчу. – Почти четыре года эту аномалию изучали, пытались понять, как она возникает, где именно, с какой периодичностью, но ничего путного узнать не вышло. Возникнуть она могла где угодно, никакой закономерности не существовало. Четко было ясно одно – чтобы из нее выбраться, необходимо умереть в том времени. Вот и все. Я был уверен, что ты слышал.

– Нет, – покачал головой пилот. – Но даже если слышал, пулю в голову пустить не решился бы. Слишком ты отчаянный, Ранчу.

– Да ладно. Прикольно же было!

Парень искренне и очень громко рассмеялся, заставив Фролова невольно вжаться в сиденье. Зона, твоя воля, хоть один нормальный человек здесь может обитать?! Все, как на подбор, сумасшедшие! Закашлявшись, парень допил несколькими большими глотками воду из бутылки и завел автомобиль. Ехали они медленно – весь Ленинский проспект пестрил аномалиями. Просто сумасшедшая концентрация. На десяти квадратных метрах можно было насчитать от четырех до шести опасных ловушек. Они искрились электрическими молниями, били вверх огненными столбами, разрушали асфальт, превращая его в бетонную крошку, пульсировали пузырями, похожими на мыльные, поднимали и кружили в вихре дорожную пыль и мусор. Ранчу объяснил, что после выброса аномальной энергии иногда образуются целые аномальные поля. И напомнил, что крайний выброс был очень мощным, да настолько, что в Зоне несколько дней не было связи. Про это пилот знал не понаслышке.

Детектор аномалий на приборной панели замолчал минут через двадцать. К тому моменту, когда аномальное поле осталось позади, опытный сталкер-водитель взмок от напряжения и покраснел, как вареный рак.

Дома по одной из сторон улицы резко сменились лесом. Женья несколько был удивлен этому. В Москве вообще вот так – идешь по городу, и тут раз, среди каменных джунглей – лес. Пройдешь по лесу несколько километров и снова выходишь в город. В других мегаполисах большинство парков – плановые, с большим количеством скульптур, фонтанов, с красивыми грунтовыми дорожками, аккуратно подстриженными деревьями и кустарниками, пестрыми клумбами. А для Москвы такие лесопарки в самом центре города в порядке вещей. Без человеческого вмешательства они разрастались очень быстро, флора и фауна мутировали и стали опасными. Некогда безобидные зверьки стали очень агрессивными. Женья успел убедиться в этом, вспоминая джунгли в Тропарево.

Рассматривая выюн, плетущийся по забору, Жене показалось, что тот шевелится. Прищурился, повнимательней присмотрелся и понял – ему не кажется. Плющ, цепляясь своими корешками, медленно полз по металлической ограде.

– Ты знаешь, что самое интересное в Нескучном саду? – подал голос Ранчу, когда немного отдохнул от тяжелой дороги.

– Теряюсь в догадках, – машинально ответил Женя, которому совсем не было дела до очередной загадки.

– Андреевский пруд. Говорят, там обитают Каппы.

– Каппы? – Фролов недоуменно нахмурился. – Какие-то особо опасные водяные, затаскивающие местных рыбаков на дно?

– Зря ты смеешься. В японской мифологии каппа – это водяной. Существо, похожее на лягушку и черепаху одновременно, а вместо носа у них клюв. Кстати, в фольклоре говорится, что у каппы очень выражено чувство долга, и, если сделать ему доброе дело, он ответит добром. Но не думаю, что с местными тварями так работает. Я вообще ни разу за все годы не встречал водяных чудовищ. Слышал только, что благодаря Ирму из Москвы-реки выловили плавучую тварь. Поговаривают, она просто огромная!

Женя слушал Ранчу и думал, что были бы сейчас иные обстоятельства, он бы обязательно познакомил этого парня с Василисой и с радостью понаблюдав бы за их интеллектуальной схваткой.

– Интересно, – соврал Женя, но решил поддержать разговор. – А почему это место называют Нескучным? Во время ДО здесь был какой-то парк развлечений? – предположил пилот.

Ранчу посмотрел на Женю через зеркало заднего вида взглядом страдальца, общающегося с полным идиотом. Ощувив себя дураком, пилот уже пожалел о том, что спросил.

– Здесь была усадьба князя Трубецкого и называлась – Нескучное. Но когда начал царствовать Николай Первый, он все выкупил и разбил здесь Нескучный сад.

Женя краем уха слушал экскурс в историю города от сталкера, а сам думал совершенно о своем. Вспомнив ночной случай в странной квартире, где он увидел Василису, пилот пытался связать это с тем, что случилось несколько часов назад. Если ночных призраков он списал на воздействие аномалии на его сознание, то что же случилось сегодня? Абсолютно точно он задремал, но то, что он увидел – сном не было. Фролов словно на короткое время оказался в сознании сталкера, прочитал его мысли, ощутил ту невероятную тоску по матери и увидел то, о чем он думал.

Домыслить ему помешал стрекочущий шум, сильно резонирующий с окружением. Женя встрепенулся, отгоняя мешающие сосредоточиться мысли, несколько раз быстро моргнул и приподнялся, осматриваясь.

Источник шума обнаружился почти сразу. Потревоженные перестрелкой, вырвавшиеся из зарослей сада целеустремленным серо-зеленым облаком, за молодыми людьми летел целый рой крупных насекомых.

– Цикады! – голос Ранчу сорвался на истеричный крик. – Летающие ублюдки! – почти на весь проспект проорал сталкер.

Движимые известной только им целью, насекомые уже почти достигли автомобиля. В салон влетела одна, особо крупная цикада. Насекомое, промчавшись мимо Жени, село сталкеру на плечо и ловко забралось ему под ворот куртки. Ранчу завизжал, панически дернулся, крутанул руль влево, от чего автомобиль занесло, и пилот больно приложился головой о металлический прут. Машинально облизнув до крови прокушенную губу, Фролов не успел даже сориентироваться, как обезумевший от страха Ранчу снова потерял управление, задержавшись на сиденье, словно в приступе эпилепсии.

Тормозить было нельзя – рой вот-вот их настигнет, но если сталкер не совладеет со своей паникой, они либо разобьются к чертовой матери, либо попадут в аномалию, что потом костей не соберешь.

Зло зарывав, Евгений ухватил парня за ворот и утащил рыпающегося сталкера на заднее сиденье, а сам с ловкостью акробата перелез на водительское место, взяв управление автомобилем в свои руки. Хуже не будет. В салон ворвалось еще с десятков мерзких насекомых. Одна тварь села Жене на руку, пытаясь прокусить кожаную беспалую перчатку. Уродливое

насекомое страха у Фролова не вызывало, но вот отвращение в полной мере. Убрав руку с руля, пилот прихлопнул этого крылатого головастика. Противно хрустнул панцирь, по ладони размазались внутренности, а сама прибитая тварь прилипла к ладони. Машинально вытерев руку о бедро, Женя на секунду обернулся назад. Ранчу, вероятно страдающий инсектофобией в запущенной форме, встал за пулемет и дал очередь прямо по живому облаку цикад. Только тварям это, как слону дробина, лишь драгоценный боезапас потрачен. В шею словно воткнули иголку, Женя шикнул и вытащил уродца из ворота, раздавив его прямо в ладони. Они были крупными, больше семи сантиметров в длину, разноцветными и омерзительными. А еще они очень больно кусались.

Быстро оценив ситуацию, Женя въехал на пешеходную часть и остановился прямо перед стеклянной дверью входа в магазин.

– Выходи! – крикнул он Ранчу, вылезая из машины и отмахиваясь от навязчивых насекомых.

Сжавшись и закрыв голову руками, парень забился под сиденье и не шевелился, только громко поскуливал, перебивая своим воем даже громкое стрекотание насекомых. Цикады, словно маленькие истребители, бились о его спину снова и снова, не понимая своим крошечным мозгом всю бесполезность затеи. Бросив взгляд на входную дверь, Женя добежал до нее и дернул за ручку. Закрыто. Метнулся к следующей и снова неудача. Только на пятый раз ему повезло, и большая стеклянная дверь с панорамным видом поддалась. Насекомые уже окружили его с ног до головы, и через серо-зеленое живое облако было почти ничего не разглядеть. Летающие твари атаковали, пытались забраться за шиворот, путались в коротких волосах, хрустели под ногами, кусали за пальцы, а одна особо маленькая особь забралась под рукав и больно укусила за кисть. С силой взмахнув рукой, пилот вытряхнул насекомое из рукава и вернулся к автомобилю, на заднем сиденье которого до сих пор умирал от страха Ранчу. Проехав несколько сотен метров, Женя остановил машину прямо перед входом в магазин, закинул оружие за спину и снова вылез из нее.

– Давай, я нашел безопасное место! – пытался он уговорить рыжего, но бесполезно. – Тебя сейчас здесь сожрут на хрен!

Кажется, Ранчу было все равно, парализованный страхом он ничего не мог с собой поделать. А цикады тем временем полностью окружили молодых людей, пилот уже даже не пытался стряхивать с себя насекомых.

– Да что ж такое! – со злостью открыв заднюю дверь, Евгений бесцеремонно ухватил сталкера за шиворот и вытащил из машины.

Боец упал на землю, грязно выругался и с бешенством в глазах посмотрел на пилота, облепленного насекомыми, словно холодильник путешественника магнитами. Сталкер истошно заорал и в этот момент в рот ему залетела цикада. Рефлекторно сжав губы, Ранчу сильно закашлялся, встал на четвереньки и выплюнул уродца. Затем его вырвало. А потом еще раз. Парня тошнило все то время, которое Женя тащил его до входа в магазин. Нешироко открыв стеклянную дверь, пилот буквально запихнул охотника за удачей в помещение и, стряхнув с себя членистоногих засранцев, ворвался следом, плотно закрыв дверь за собой. С десяток особей все-таки смогли проникнуть вслед за молодыми людьми, но Женя быстро с ними справился, прихлопнув прикладом.

Тяжело дыша, пилот вытер пот, но грязной рукой растер воняющие гнилью внутренности цикад по всему лицу и досадливо поморщился. Укусы на шее и руке сильно зудели, горели и пульсировали. Женя посмотрел на грязное стекло, в которое продолжали биться цикады. К счастью, пробить его им не хватит сил, хотя несколько раз атака и была достаточно мощной. Отвернувшись от витрины, Женя посмотрел на продолжающего скулить Ранчу.

– Ну, все нормально, чего ты? И похуже вещи случались. Это же так, насекомые. В Австралии твари и пострашней есть, – Женя ненадолго задумался. – Ты прикинь, если бы там местная живность мутировала? Представь себе паука размером с легковушку.

Судя по еще более громкому и жалостливому вою, Ранчу представил. Выругав себя за сказанное, Женя присел перед парнем на корточки так, чтобы заслонить тому вид на дорогу.

– Ну ладно, все хорошо.

У нас ничего не отбирает больше духа, чем страх. Женя в какой-то степени Ранчу понимал, но, если тот не возьмет себя в руки, они потеряют очень много времени. Позволить себе подобное Евгений не мог.

– Ох, прости...

Обреченно вздохнув, пилот сморщился и залепил Ранчу очень сильную пощечину. Парнишка, сидящий на пятой точке на полу, от неожиданности не удержался на месте и завалился на бок. Скуление прекратилось. Шикая и потирая щеку, горящую огнем, Ранчу медленно сел и сплюнул кровь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил охотник за удачей. – Помогло.

– Обращайся, – кивнул пилот, поднимаясь и протягивая руку Ранчу. – Что делать будем?

– Ну, мы можем подождать, пока они улетят, – предложил рыжий.

– А если они улетят через час или два? Смотри, какие настойчивые, – пилот кивнул себе за спину, на стекло, в которое с завидной целеустремленностью продолжали биться насекомые.

– Нет, рано или поздно им надоест. А мы пока отдохнем, – не сдавался парень, который категорически не хотел выходить из укрытия.

– Ранчу, я понимаю, что у тебя фобия до этих крылатых уродов, но у меня совсем нет времени ждать. Я очень тороплюсь, и от моего промедления может зависеть жизнь и судьба одного очень дорогого мне человека. У меня нет права опоздать, и нет времени на пустое ожидание.

– Это правда? – спросил парень и снова потер щеку.

– Что – правда? – не понял Женя.

– Что ты пилот того самолета, потерпевшего крушение в Кузьминском лесопарке? Ты ведь Василису Титову ищешь? Это ведь она заварила всю эту кашу и своими действиями породила в Зоне хаос.

– Нет, – быстро соврал Женя, но голос его предательски дрогнул, а сам он, не в состоянии смотреть на stalkера, отвернулся. Он не умел и не любил врать. Даже во благо.

– Погибло очень много людей. Некоторых я даже знал, – продолжал Ранчу, не поверив пилоту. – Но их не жалко. Кресты на безымянных могилах stalkеров это всего лишь хороший памятник жадности и глупости. Но солдаты, молодые ребята, у которых жизнь только начиналась. Они за что погибли? За твою подругу? А она продалась. За сколько, а?! Или, может, ты с ней в доле? Небось, уже в другой стране, под другим именем сидит в дорогом ресторане и даже не думает ни о чем. Она ведь себе заработала на безбедную и шикарную жизнь. А тебя что, она кинула?

Перехватив оружие двумя руками, Женя напрягся, положил палец на спусковой крючок и сделал несколько шагов назад. Если Ранчу решит напасть, у Фролова будет возможность защититься. Только стрелять в парня не хотелось, потому что это будет подло и неправильно. Он имел полное право на подобные суждения, Женя это понимал. И все мысли, обиды, недоверие, подозрения он смог бы разделить, если бы не знал Василису.

– Послушай, Василиса ни в чем не виновата. Я понимаю, что в это трудно поверить и в глазах всех обывателей Зоны она самый настоящий монстр, но это не так.

– Что тогда случилось? – Ранчу потянулся к кобуре, но Женя недвусмысленно приподнял оружие. Теперь ствол черным зрачком смотрел в ноги бойца. Рука stalkера замерла на поясе, дальше действовать он не решался.

– Не знаю, – покачал головой пилот. – К сожалению, у Зоны были свои планы, и она нас раскинула по разным углам, загнав меня в аномалию. Но я уверен, что в мире нет вещей, которые заставили бы ее предать дело жизни и поставить на кон чужие, невиновные ни в чем. Я знаю эту девушку как человека, который хотел сделать этот мир чуточку лучше. И единственный способ узнать всю правду – найти ее. Ранчу, она хороший человек. Просто поверь мне.

Парень долгое время молчал, в тишине были слышны только слабые удары о стекло насекомых, начавших терять былой энтузиазм. Потому, когда послышался слабый шорох, Женя среагировал мгновенно, отпрыгнув к стене, не давая возможности потенциальному врагу напасть со спины. Дневного света не хватало, чтобы рассмотреть противоположный конец зала. Только сейчас они поняли, что, спасаясь от опасности, никто даже не подумал осмотреться здесь. А зря. Зона ведь умеет наказывать глупцов, которые ее недооценивают.

Отскочивший в противоположную сторону Ранчу включил фонарь, направив его луч в сторону источника шума. Нервы Фролова были на пределе, он с трудом сдерживал себя от того, чтобы не пустить очередь в темноту. И когда луч выхватил обитателя магазина, пилот обомлел. По всем признакам перед ними стоял человек. Невысокий, замотанный с ног до головы в грязные лохмотья, он быстро махал перед собой руками и пытался, пока не уперся спиной в стену. Когда отступать дальше было некуда, он еще активней зажеликулировал и начал нечленораздельно мычать.

– А ты еще кто такой? – спросил Ранчу, не опуская пистолета и фонаря.

– Ммм... ммм, – послышалось в ответ.

Когда Ранчу сделал шаг вперед, человек затряс лохматой головой, упав на колени и сложив ладони, словно в молитве. Теперь, когда мужчина не шевелился, его можно было рассмотреть.

В длинных, блестящих от жира седых волосах спутался различный мелкий мусор. Густая борода была желтой и, кажется, спуталась еще больше, чем волосы. Из-под густых бровей сверлили молодых людей маленькие пороссячи глазки. Метры лохмотьев, это даже в прошлом не было одеждой, не могли скрыть дистрофию обитателя магазина.

– Слушай, он, по ходу, немой, – предположил Женя.

– Может быть, – пожал плечами Ранчу. – Но немой – не значит, что он нас тут не кокнет. Эй, – громко сказал рыжий. – Мы тебе не навредим и сейчас уже уходим! Ты меня слышишь?

Дикарь быстро закивал, но подняться так и не решился. Увидь подобную картинку в Зоне неделю назад, Женя пропитался бы к этому человеку состраданием и жалостью, даже попытался бы помочь, но сейчас он испытывал только страх. Внутри с каждой секундой нарастало чувство тревоги. Выдохнув, пилот сделал шаг к двери, на мгновение отвернулся, чтобы оценить обстановку на улице, а когда повернулся, ситуация резко изменилась. Оскалившись, дикарь зашипел, встал на четвереньки и выгнул спину, словно дикое животное. Помещение заполнили звуки выстрелов – это стрелял Ранчу, пытаясь попасть в неожиданно ловкого мутанта. А то, что перед ними мутант – уже сомнений никаких не оставалось.

Тварь в несколько скачков сократила расстояние до сталкера, и ударом мощным задних лап сбила парня с ног. Пролетев несколько метров, рыжий влетел спиной в стол, выронив пистолет и больно приложившись затылком об угол. Обмякнув, Ранчу уронил голову на грудь, безвольно опустил руки и больше не подавал признаков жизни.

Поймав на прицел прыгучего урода, Женя выстрелить так и не решился. Проманется хоть немного – заденет сталкера. Секунды промедления дорого стоили. Уродец своей длинной и худой лапой разодрал на сталкере экипировку, затем взмахнул второй раз, расцарапав рыжему незащищенную снаряжением шею и щеку.

– Ах ты сука! – прошипел пилот, выстрелив в потолок, привлекая внимание на себя.

На мутанта это подействовало. Он медленно опустил лапу, занесенную для очередного удара, повернулся в сторону пилота и оскалился, оголяя редкие, но острые зубы. Такому чудо-

вищу клыки не нужны – он разделяется с жертвой несколькими ударами когтистой лапы. Раздва, и на месте жертвы кровавое месиво. Такой участи для Ранчу пилот даже и пожелать не мог. Поведя мордой в сторону, мутант шумно выдохнул, зарычал и бросился на нового обидчика. К атаке Женя был готов. Он, экономя боезапас и не рискуя стрелять в замкнутом помещении, боясь рикошета, ухватился за высокий металлический стул, стоявший рядом с кассовым аппаратом. Выписав широкую дугу, он обрушил предмет мебели на мутанта ровно в тот момент, когда уродец был в прыжке на подлете. Прыткого, но легкого мутанта отнесло на несколько метров в сторону – он с грохотом влетел в стеллаж, обрушив его на себя. Сотни стеклянных осколков тут же щедро осыпали прыгуна. Не давая времени и возможности подняться, Фролов вдогонку бросил разваливающийся стул и, сократив расстояние, достал пистолет, уже привычным слепым движением снял его с предохранителя, прицелился в уродливую лохматую голову и выжал спусковой крючок.

Сухой щелчок. Осечка.

Пистолет стал бесполезен.

Женя, до конца в это не веря, нажимал еще и еще, но все безрезультатно. Удача давно о нем позабыла и ушла искать себе другого любимчика. Мутант, будто понимая беспомощность своей жертвы, встряхнулся, скидывая с себя битое стекло, словно собака воду с шерсти, размял мышцы и прыгнул на пилота, сбив его с ног.

Фролов упал, больно приложившись затылком о пол, да так, что искры из глаз посыпались. В нос ударил запах гнилых зубов, мочи и грязного тела. Этот тошнотворный коктейль на пилота подействовал отрезвляюще. Вмиг справившись с паникой, он выставил одну руку вперед, оперевшись ладонью в лоб, мешая твари добраться своими редкими зубами до шеи, а на вторую руку намотал длинную, жесткую бороду, не давая выродку возможности для маневра. Издав нечленораздельный звук, тварь дернулась и ударила локтем пилота в живот, но большую часть удара приняли на себя кевларовые вставки. Набрав в легкие воздуха, Фролов собрался с силами, напряг мышцы и, не выпуская бороды, рывком подался вперед, завалив мутанта на спину, прижал того коленом к полу. Уверенности, граничащей со слабоумием, у твари не прибавилось. В попытке вырваться из цепкой Жениной хватки, он таки умудрился задеть его острыми когтями и разорвать штанину на бедре. Именно этот поступок помог принять окончательное решение – жить мутанту или умереть.

Оскалившись, Фролов, подстегиваемый адреналиновой плетью, сильнее намотал бороду на ладонь и резко дернул мутанта на себя, а затем назад. Тот приложился затылком о бетон, и Женя был готов поклясться, что услышал хруст ломающегося черепа. Затем он ударил мутанта еще раз. И еще. Рука стала липкой от крови и мозгового вещества урода, но Женя не останавливался, даже когда голова стала похожа на разбившийся арбуз, превратившись в месиво из вязкой бордовой крови, мозгов, жестких волос и осколков костей.

– На! Получи! – орал задыхающийся пилот.

Он вкладывал в удары весь гнев, который в нем копился последние дни. Всю обиду. Всю горечь. Весь страх и ненависть. Вспомнил предателя Паршу, Флая, вспомнил компанию бандитов, подобравших их в первые часы крушения, вспомнил, как их хотели продать, убить, использовать, подставить, как в них стреляли и бросали в аномалии. И с каждым новым лицом, всплывавшим в воспоминаниях, удары были все сильнее и сильнее. А затем он вспомнил человека в стеклянном отражении одного из магазинов на Ленинском проспекте – потерянного, сбившегося с пути, не верующего больше ни во что и ни в кого.

«Ты чудовище», – прозвучало где-то в голове, и это отрезвило пилота.

Тяжело дыша, он отпрянул и сел на пятую точку, пусто смотря на труп мутанта.

– Нет, – в никуда ответил Женя и медленно поднялся. – Не дождетесь.

Он, забыв о грязных ладонях, вытер с лица обильно проступающий пот, но только растер чужую кровь по лицу, даже не заметив этого. Внутри него все еще горел не взятый до конца

под контроль гнев. Закрыв глаза, Женя сделал глубокий вдох, медленный выдох – дыхание у него было судорожным.

Машинально бросив взгляд назад, пилот не заметил насекомых, которые, наконец, осознали бесполезность своих действий. Одной проблемой меньше.

– Ранчу, – Женя присел перед парнем на корточки и приложил ладонь к гортани.

Руки после схватки с мутантом дрожали и потеряли чувствительность. Фролов попытался прислушаться, но в ушах отдавало только собственное учащенное сердцебиение. Подняв фонарь, который выкатился из рук парня во время падения, пилот включил его и осветил в глаза Ранчу. Зрачок реагировал, уже хорошо. Из разбитого об угол стола виска сочилась кровь. Выйдя на улицу, Женя добрался до машины и нашел на заднем сиденье рюкзак Ранчу, бесцеремонно его раскрыв. Красно-белая небольшая сумка с крестом посередине нашлась сразу. Вытерев о штанину руки, Фролов непослушными пальцами расстегнул молнию аптечки и первым делом вытащил бинты, пузырек с медицинским спиртом, щедро плеснув себе на руки. Он долго и с отвращением пытался стереть с себя вязкую субстанцию и остановился только тогда, когда стертые бинтом ладони начало щипать от спирта. Свежий воздух и дневной свет подействовали на Фролова своеобразно – теперь он категорически не хотел возвращаться внутрь, где его помощи ждет Ранчу. На секунду в его голове даже закралась подлая мысль – бросить рыжего, сесть за руль и уехать на ВДНХ. Топливо есть, навигатор и детектор аномалий работают, боезапаса хватит. Женя повернулся к машине, уже потянулся к ручке двери, как его обдало жаром: он вздрогнул и затряс головой, отгоняя подобные предательские мысли. До тошноты стало противно от себя.

– Мудак ты, Фролов, – громко сказал он под нос и вернулся в магазин, первым делом подобрав стволы.

Ранчу в себя так и не пришел, но теперь, когда Женя успокоился, он слышал тихое и ровное дыхание парня. Промыв рану водой из фляги и щедро залив перекисью, пилот обработал кожу вокруг нее антисептиком. Наложив на рану марлю, благо парень был запасливый в плане медикаментов, Женя занялся перевязкой.

– Сойдет, – оценив свои старания, довольно кивнул Фролов.

Вколов шприц-тюбик с промедолом, Женя одну руку парня перекинул себе через плечо, обнял за талию и рывком поднялся. Высокий детина оказался неожиданно тяжелым, потому пока Фролов тащил тело до машины, несколько раз грязно выругался. Усадив парня на заднее сиденье, он оббежал автомобиль и сел за руль.

Так. Вроде все предельно просто. Начинка этой тачки не похожа на творение безумного инженера, все даже проще чем в том УАЗе, который они угнали. Сверившись с показаниями навигатора, Женя уменьшил масштаб карты и обомлел. Они проделали чуть меньше половины пути. Если на окраинах города творится такая чертовщина, чего ожидать от центра Москвы?

– Ладно. Глаза бояться, а руки... из задницы, – подбодрил он сам себя и завел автомобиль. «Лада» новому хозяину поддалась сразу.

Ленинский проспект плавно перешел в радиальную улицу Большая Якиманка. В первую очередь она порадовала Фролова отсутствием высоток, которые одним своим видом давили на психику. И брошенных автомобилей здесь было меньше, потому маневрировать между аномалиями было легче. Женя даже успел войти в раж, когда объезжал очередное аномальное поле, в обилии заселенное электрическими аномалиями. Он так увлекся дорогой, что не заметил, как Ранчу пришел в себя.

– Левее возьми, там впереди «липучка», – послышалось за спиной, и Женя от неожиданности ударил по тормозам. – «Лошадок» не хватит проехать.

Рыжий ударился многострадальной головой о водительское сиденье, грязными словами вспомнил чью-то там мать и схватился за голову.

– С возвращением, – бросил пилот, даже не обернувшись в сторону Ранчу.

Он снова вернулся к дороге и действительно приметил, что участок в том месте, куда указал Ранчу, выглядит несколько странно: слишком много листвы и мусора на нескольких квадратных метрах. И мусор этот не колышет ни ветер, ни многочисленные ливневые потоки.

– Спасибо, – легко сказал парень.

– За что? – машинально спросил Евгений.

– За то, что спас. После всего сказанного, ты мог меня бросить умирать, забрать тачку и уехать. – Ранчу замолчал, и пилот бросил быстрый взгляд на зеркало заднего вида. Парня явно мучила тошнота. – И прости меня. Вижу, мужик ты хороший, правильный. Не хотел бросить тень сомнений на твою подружку и тебя задеть.

– Забили, – предложил Женя. – Просто никому не говори, что ты меня знаешь.

– Не скажу, – пообещал Ранчу.

Женя по голосу, по взгляду понял – парень не врет. И благодарность у него шла от души и стыдно было тоже искренне. Что ж, один-один.

– Стой!

Как только «Лада» остановилась, за спиной водителя послышались характерные звуки человека, страдающего рвотой. Последствия сильного сотрясения головного мозга терпеть парню еще долго.

– Воды у меня больше нет, последнюю и так тебе отдал.

– Под сиденьем есть пятилитровая канистра, – утирая проступающие слезы, ответил рыжий.

Перелив во флягу воду, которая почему-то была белесого оттенка, пилот протянул ее парню.

– Она мутная какая-то, – предупредил его Женя.

– Все нормально, – заверил его охотник за удачей. – Поведешь машину? Я, сам видишь, не в форме.

– Поведу. Но ты будешь штурманом.

Сталкер достал из аптечки блистер с неизвестными Жене (возможно, и официальной медицине) таблетками и проглотил несколько штук. Еще через двадцать минут парнишка был бодр, весел и не замолкал практически ни на секунду. Он говорил много и с охотой. Иногда сбивался, часто от переполняющих его эмоций задышался, активно ерзал на месте и даже несколько раз привстал, за что поплатился, ударившись макушкой о прутья крыши. Почти все разговоры были у него о городе и его истории. Оказывается, он здесь родился, рос и даже успел немного поучиться, но после того, как Москва превратилась в одно большое кладбище, он с родителями и многочисленными родственниками переехал в Казань. Там доучился на филолога, отслужил в ВДВ и вернулся в Москву. Сделал он это не только от тоски по столь близкому сердцу городу, а из духа авантюризма и нехватки адреналина в обыденной жизни. И это был первый на памяти Жени человек, который был абсолютно счастлив в Зоне. Его не привела сюда острая необходимость, за плечами не было горького опыта, он не переживал потерь, которые многих тащили на дно. Нет, ничего подобного. Ранчу, а за Периметром жизнерадостный парнишка по имени Андрюха, жил и бед себе не знал – были у него и родители, и девушка красавица (с его слов), и друзья – верные и хорошие, да только жить было скучно, вот и подался в Зону. И за полтора года он ни разу не пожалел о своем выборе. Родня уверена, что кровиночка родная на заработках за границей, за что в подтверждение легенды получали ежемесячно приличную сумму, заработанную парнем, и фотографии, качественно сделанные в графическом редакторе самим «бизнесменом». Рыжий даже несколько фото показал Жене. Вот он рядом с Тауэрским мостом – весь серьезный, деловой, а на другой фотографии он уже улыбается на фоне Лазурного берега, на юго-востоке Средиземноморского побережья Франции. Хорошо сделано, качественно – не зная и не отличишь. Женя только покачал головой, не одобряя ложь парня. Загнется ведь, а родители будут искать его по заграницам, а не в гнилой Зоне. Но лезть

не стал – не его дело, да и Ранчу парень взрослый, чтобы принимать решения и нести за них ответственность. Только горячий слишком, о смерти он не то, что не задумывается, но и не верит в нее. Но это нормально. По юности и глупости все горы сворачивают, а уже потом, повзрослев и став мудрее, пытаются выбраться из-под них.

Они, если верить навигатору, проезжали мимо «Арбатской», когда послышался особо горестный вздох.

– Ты чего? – Женя даже невольно притормозил.

Слева показались рубиновые звезды Кремля, которым, казалось, время нипочем – те были все такими же яркими. Вообще сердце Москвы было невероятно красивым, даже сейчас, когда здания начали рушиться, на дороге гнили автомобили, стоки были забиты и не справлялись, а на обочине валялся всяческий мусор.

– Да ностальгия пробила, – отмахнулся Ранчу. – Девчонку я одну хорошую из Питера знал. Администратором литературной группы была, приезжала она к нам в город часто и встречу участников устраивала во-о-о-т как раз в этом баре, что на втором этаже, – он указал на высотку на Новом Арбате. – Круто было. Да и девчонка веселая, добрая, прямо зажигалка. До сих пор помню ее заразительный смех.

– Что, влюбился? – усмехнулся Фролов, машинально бросив взгляд на высокое серое здание.

– Да нет, – пожал плечами Ранчу. – Просто мне иногда страшно от того, что в прошлое ушли те люди, которые могли бы стать моим будущим.

Не найдясь в ответе, Фролов сделал вид, что внимательно сверяется с показателями детектора аномалий, хотя смотрел на него секунду назад. Эмоции парня он понимал, поэтому в душу лезть не стал. В воспоминаниях каждого из нас живет человек, которого не суждено больше увидеть, обнять, прикоснуться к ладони и услышать слова поддержки. И повезло – если такой человек всего один. У некоторых внутри целое кладбище из родных лиц, которые нельзя вспоминать, чтобы в один прекрасный вечер не залезть в петлю. Остается только помнить то тепло, которое они подарили. Женя снова вспомнил прямую и строгую Василису. Все мысли занимала именно эта девушка, которая сейчас находится черт знает где и черт знает с кем.

– Э, не гони! Не на «Формуле один»! – сделал замечание Ранчу, когда пилот, сам того не заметив, прибавил до пятнадцати километров в час.

– Прости, – сухо ответил Женя.

Несколько раз Фролову хотелось бросить все, выйти из машины, закурить и никуда больше не ехать. Все эти пустые дома, мутировавшие твари, получавшие от Ранчу очередь из пулемета, эта мертвая и неестественная тишина на улице – давили на нервную систему. Не встретилось ни одного человека, потому что не существует настолько отмороженных людей, которые бы добровольно обосновались в центре Аномальной Зоны. Однако несколько трупов охотников за удачей на пути повстречалось. Их тела гнили на обочине, наполовину обглоданные псами, крысами и местными еще не мутировавшими, но оголодавшими котами. Женя старался не смотреть на мертвецов.

На проспекте Мира водитель и пассажир, наконец, поменялись местами и Фролов выдохнул. Пальцы начали неметь, настолько сильно он сжимал руль, поясница ныла монотонной тупой болью, а шее от напряжения свело. Следить за показаниями детектора, дорогой, да еще при этом не забывать про живность – задача достойная опытного сталкера, к которым Фролов себя никак не причислял. Вытащив из трофейного портсигара покойного наемника крайнюю сигарету, Женя щелкнул колесиком «зиппы», затем еще раз. И еще раз. В ответ только сыпались искры. Бензин закончился. Выругавшись, пилот бережно убрал сигарету обратно в металлический портсигар.

– Дать прикурить? – не отвлекаясь от дороги, Ранчу протянул дешевую китайскую зажигалку.

- Я бросил, – отрезал Женя, убирая портсигар во внутренний карман куртки.
- Надолго? – ухмыльнулся рыжий.
- На сегодня точно.
- В Зоне бросить почти невозможно, даже не пытайся, – авторитетно заявил Ранчу.
- Я здесь ненадолго, – заверил рыжего Женя. – Ты лучше мне скажи, почему из такого количества автомобилей, которые можно было довести до ума, ты выбрал именно «Ладу»?
- А, – Ранчу за рулем гордо выпрямился и засиял, как тульский самовар. – Это машина моего отца. Он подарил ее на мое восемнадцатилетие, как только я права получил. Просто что-то родное, не смог с ней расстаться. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.